

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Марсия Андес

ЭТО МЫ

Марсия Андес

ЭТО МЫ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57894953

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-04224-7

Аннотация

Лина – обычный депрессивный подросток, переживающий смерть своей мамы и пытающийся спрятаться от реальности в мире книг. А Алекс – таинственный незнакомец, окутанный множеством тайн, чья задница постоянно притягивает неприятности. Этот парень по-настоящему переворачивает жизнь Лины, однако девушка ещё не знает, какое прошлое носит в себе Алекс и какое будущее он может ей дать, ведь он всего лишь марионетка в руках огромной власти. Содержит нецензурную брань.

The Fray – Never Say Never

«Мой незнакомец»

Я открываю глаза и смотрю в потолок цвета ванили – на нём играют отблески алого рассвета, и мне начинает казаться, что моя комната превращается в ванильное морожено с вишнёвым сиропом. Возникает жгучее желание попробовать его на вкус, но я знаю, что это просто стены и просто потолок. Без вкуса. Хотя, наверное, они тоже имеют привкус какой-нибудь штукатурки или краски. Я не знаю. Не пробовала.

Окно распахнуто настежь, потому что ночи здесь жаркие и душные. Кондиционера в моей комнате нет и никогда не будет, поэтому у моей кровати постоянно стоит банка с водой. Если я просыпаюсь ночью и понимаю, что задыхаюсь от нехватки воздуха, то выливаю на себя полбанки моего спасения. От этого становится легче, и я могу продолжать спать дальше и тихо надеяться, что ничто не сможет больше потревожить мой сон. Вентилятор у нас в доме только один, поэтому мы пользуемся им по очереди, чтобы все мы были в одинаковых положениях. Сегодня мой черёд – работающий «Вини», как назвал его мой отец, был направлен на меня и создавал приятный ветерок, от которого за ночь онемела половина моего тела, которая не была спрятана под одеялом. Я не жалею. Без него куда хуже.

Он вернётся ко мне только через три дня.

Приходится подтянуть к себе ткань и залезть под неё полностью, с головой. Я переворачиваюсь на другой бок и немного приподнимаю угол одеяла, чтобы было чем дышать. Вижу половину комода из светлого дерева. Верхний ящик немного выдвинут, а прямо с его края свисают мои красные трусики, которые я вчера небрежно попыталась туда засунуть. На краю в рамке стоит фото моей мамы.

Мама умерла, когда мне было четырнадцать. Три года назад.

Её убил рак.

У неё была красивая улыбка и голубые глаза цвета чистой реки. Как у меня. Папа всегда говорит, что я очень на неё похожа, вот только волосы у нас разные. Я в отца: брюнетка. Брат и сестра в мать: оба натуральные блондины.

Становится душно, и я откидываю одеяло в сторону, вдыхая воздух и шумно отпуская его обратно. Слышу, как за стенкой начинает оживать кофеварка, наверное, отец уже проснулся, потому что каждое его утро начинается с кофе. Он кофеман. Я не люблю кофеин.

Мама тоже не любила.

Я свешиваю с кровати конечности и босыми ногами шлёпаю до распахнутого окна. Упираясь руками о подоконник, я выглядываю на улицу и с наслаждением смотрю на океан. Сегодня штиль: ни одной волны. Солнце алой размазанной краской уже восстало из-за горизонта, пляж, который нахо-

дится от нашего домика примерно в пятидесяти метрах, уже начинает заполняться людьми.

Сегодня выходной. Здесь днём будет полно туристов или ребят из нашей школы. Они как обычно будут либо кататься на досках (хотя сегодня штиль. Если, конечно, к вечеру не поднимется ветер), либо играть в пляжный волейбол, либо просто загорать. А вечером, может быть, устроят одну из своих вечеринок, которые так не любит мой отец из-за громкой музыки.

Мы переехали в Новую Гвинею месяц назад и поселились в небольшом домике на Северном побережье Папуа в Маданге. Папа сказал, что его перевели из Америки сюда по работе. Я никогда с ним не спорила, лишь сестра поначалу психовала из-за того, что ей придётся оставить друзей и университет, да брат ныл, что тут нет интернета.

В итоге интернет есть. Сестра нашла себе новых шестёрок, а мы с братом отправились в школу. Почти посреди семестра. Уже месяц я пытаюсь привыкнуть к новой обстановке, но никак не получается. Да, здесь кроме коренных жителей есть ещё и другие: американцы, немцы, французы, короче, все, кого забросила сюда судьба, но я не стремлюсь с ними сближаться. Мне лучше быть одной. В своём собственном мире, который я придумала, после того как умерла мама.

Закрываю глаза и вдыхаю запах океана. Пахнет солью и рыбой. Пахнет свободой.

Скольжу языком по пересохшим от жары губам и резко

разворачиваюсь, направляясь в сторону шкафа. Попутно выключаю «Вини», от которого порядком начинает неметь всё, что только можно. Дверки с тихим скрипом открываются, и на меня падает несколько футболок с верхней полки – я успеваю их поймать и запихнуть обратно, прежде чем они оказываются на полу.

Я стою в одном купальнике, в котором спала, перед битком набитым гигантом и думаю, что же надеть. В итоге на мне оказываются джинсовые шорты и голубая майка. На шее видна салатовая верёвка от моей «ночнушки», а мне как-то всё равно, потому что я частенько так выхожу на улицу. Иногда после школы хочется заскочить на пляж, а идти домой переодеваться ужасно лень.

Как только умерла мама, я целыми днями проводила на пляже Лос-Анджелеса. Я брала её доску, и отплывала далеко от берега, хотя сама никогда не умела кататься на ней. Я просто сидела в полном одиночестве и смотрела на горизонт. В такие моменты мне казалось, что мама рядом, где-то сидит на воде и смотрит вместе со мной на заходящее солнце.

Здесь я тоже так делаю, особенно после неудачного дня, которые преследуют меня как полосы у зебры. Бедное животное эти полосы преследуют постоянно.

Закрываю противно скрипящий шкафчик и бросаю взгляд на своё отражение в зеркале. Растрёпанные каштановый волосы, ярко-голубые глаза, курносый нос, тонкая талия – всё это кажется каким-то помятым и некрасивым, словно

использованный презерватив. Дожили! Я сравниваю себя с этой гадостью! Моя самооценка снизилась до критической отметки.

Лёгким движением отбрасываю назад свои длинные волосы и последний раз бросаю на себя быстрый взгляд, выскакивая в коридор. Меня встречает едкий запах крепкого кофе. Я морщусь и плетусь в сторону кухни, надеясь там увидеть папу с кружкой и горячими тостами. Сегодня он работает.

Он работает каждый день без выходных.

– Привет, детка, – отец отрывает глаза от газеты, когда я появляюсь в дверях.

Тостов нет. Стол абсолютно пуст, если не считать скучной утренней газеты. Окно распахнуто настежь, так же как и в моей комнате, а сама кухня маленькая и совсем даже обычная.

Что ещё ждать от простого домика на берегу океана?

– Доброе утро, па, – подхожу к нему и целую в щёку – наш привычный утренний ритуал.

– Ты чего так рано? Сегодня же выходной, – он перелистывает страницу и делает глоток. Я вижу, как от кружки поднимается пар.

Я смотрю на его тёмные залезшие назад волосы, на карие глаза и на родинку на щеке. Вид у него уставший.

– Хотела в город выбраться, – разворачиваюсь и подхожу к столу, на котором стоит моя любимая «вешалка» для кружек.

Беру свою с изображением большого сердца и с тихим стуком ставлю на столешницу.

– С друзьями? – он не отрывается от газеты, наверное, смотрит утренние новости как обычно.

Я медлю. У меня здесь нет друзей. Брат нашёл себе компанию. Сестра тоже. А я, наверное, единственная до сих пор страдаю из-за потери мамы.

– Да, – вру я. Не хочу огорчать его. – С девочкой из нашего класса.

Я подхожу к чайнику и наливаю в кружку кипяток – пар поднимается к потолку и обжигает мои тонкие пальцы. Я немного морщусь и отстраняю «слоника» в сторону.

– Замечательно, – я сомневаюсь, что папа меня слышал.

– Угу...

Бросаю пакетик зелёного чая в кружку и немного торможу его, наблюдая, как вода темнеет и превращается в светло-зелёный напиток. Сахар я никогда не кладу.

Несколько минут мы молчим. Я думаю о том, что скоро я попаду в книжный магазин и куплю на сэкономленные деньги очередной волшебный мир, а папа, наверное, о том, что кого-то сегодня пристрелили где-нибудь на другом конце острова. В этой газете никогда нельзя найти что-нибудь интересное и полезное. Только бизнес, деньги, экономика и всякие подобные вещи, которые меня никогда не интересовали.

Вынимаю пакетик и кладу его на стол – вокруг него раз-

ливаётся маленькая лужица воды, на которую я не обращаю никакого внимания.

– Брата возьми с собой, – безразлично предлагает он, но я резко отрезаю:

– Нет.

Отец и бровью не ведёт. Пьёт кофе и листает серую скучную бумагу.

Я беру кружку и делаю глоток обжигающего чая, оттопыривая мизинец, как это всегда делала мама.

Мама...

Мамочка...

– Твоя сестра скоро будет ходить с опухшим лицом из-за пляжных вечеринок, – он снова безразлично делает глоток.

Странно, но при мне отец никогда не называет их по имени. «Твой брат». «Твоя сестра». И никак по-другому. Это уже вошло у него в привычку.

– Ну и ладно, – я пожимаю плечом и прислоняюсь спиной к раковине.

Знать о похождениях этой блондинки мне хочется меньше всего на свете. Я с ней почти не общаюсь: она постоянно гуляет с парнями и пропадает по ночам где-то в городе. Как-то она сказала, что нашла работу. Вот только какую именно никому не говорит. Никто и не спрашивает. А вот её заработанных денег я ни разу не видела, хотя изредка в её гардеробе появляются новые побрякушки. Старые вещи она пытается усердно запихнуть в мой шкаф, однако я каждый раз

возвращаю их обратно вместе с носками брата, которые таинственным образом оказываются в моих вещах.

– Сегодня жарко, – папа вдруг закрывает газету и ставит на стол кружку с кофе.

– Да. «Вини» мне был как раз кстати, – улыбаюсь. – Я бы точно задохнулась.

Он молчит и о чём-то думает, а я подозреваю, что его мысли заполнены чем угодно, но уж точно не погодой.

Я зеваю и выливаю в раковину половину своего чая, который никак не хочет отправляться в мой желудок.

– Ладно, па, я пойду, – я вырываю его из мыслей, отчего он вздрагивает и переводит на меня взгляд.

– Иди, – мне кажется, что папа понятия не имеет, куда я ухожу, хоть я и говорила, что собираюсь в город.

Я машу ему рукой и направляюсь к двери, но голос отца заставляет меня остановиться и, схватившись за косяк одной рукой, повернуться в его сторону.

– И, Лина...

– Да?

Он немного молчит, а затем весело продолжает, протяжно выделяя букву «о».

– Умойся!

Я непонимающе хмурюсь и только спустя несколько секунд понимаю, что даже не сходила в ванную, когда проснулась.

– Хорошо! – я улыбаюсь, выходя в коридор.

AVRIL LAVIGNE – Alone

Утро сегодня действительно душное и жаркое, одно из тех, которые я не люблю. В такие вот дни хочется залезть в холодильник или поселиться под водой, лишь бы солнце перестало так нещадно атаковать своими лучами. Кажется, что мозг плавится как плитка шоколада и вытекает из разных щелей в голове, скользит по коже и заползает за ворот майки. Хочется встать под холодный душ и простоять там целую вечность, чтобы обратно заморозить серое вещество.

Автобус трясётся и постоянно качается из стороны в сторону, особенно на поворотах. Я сижу почти в самом конце рядом с какой-то старухой, которая каждую минуту лезет в свою сумку и ужасно шуршит. Моя голова разрывается от лёгкой боли, наверное, от напряжения, а от жары и невыносимого запаха пота битком набитого транспорта меня тошнит. Ещё немного, и я выхвачу эту сумку из рук бабки и прочищу свой желудок. Пусть потом доест...

Форточка позади меня открыта, но даже так мне не хватает воздуха. Быстрее бы мы уже приехали...

Мы едем только пять минут, а я уже схожу с ума.

Надо было взять велосипед брата и поехать на нём, тем более не так уж и далеко.

Автобус резко останавливается, а я немного подаюсь впе-

рѐд и упираюсь руками о сидение впереди меня, чтобы не поцеловаться с ним или случайно не облизать. Я вскакиваю на ноги и начинаю пробираться через липкие от пота тела к выходу, зажимая рот и нос рукой, чтобы меня не вырвало.

Мне удаётся выскочить на улицу – я шумно вдыхаю кислород и облегчённо выдыхаю его обратно. Сплёвываю желчь на асфальт, чувствуя, как тошнота отступает. На меня никто не обращает внимания, а я бросаю последний взгляд на уезжающий автобус и разворачиваюсь, направляясь в сторону книжного магазина, который находится прямо на другой стороне улицы.

Я была здесь несколько раз. Всегда, когда накапливается нужная сумма от школьного обеда, я бегу в этот магазин и покупаю очередную книгу. Просить деньги у отца я не хочу, потому что это напомнит ему маму. Она любила читать.

Я тоже люблю читать. Это успокаивает и позволяет забыть все проблемы. Гораздо интереснее жить в чём-то выдуманном мире, чем существовать в скучной реальности.

Перебегаю улицу, быстро бросая взгляды по сторонам, и останавливаюсь у дверей книжного магазина «Лотос». Я не медлю ни секунды и хватаюсь за ручку, чтобы, наконец, ворваться в мир книг.

Внутри прохладно – работает кондиционер и несколько вентиляторов. Просто рай для таких, как я. Кидаю быстрый взгляд в сторону женщины, что сидит за прилавком и лениво листает какой-то журнал, и прохожу вдоль стеллажей с кни-

гами. Моё любимое место – это самый дальний угол с любовными романами. Мне нравится читать про обычных подростков, которые теряют голову из-за такого простого слова: «Любовь».

«Я люблю тебя».

Фраза, которая заставляет стучать моё сердце в сто раз быстрее, когда я её читаю. Хотя иногда после прочтения книги становится грустно, потому что я никогда не любила. Я не пользуюсь популярностью у парней. Все они смотрят на шикарных блондинок со стервозным характером, а я всего лишь серая странная девчонка из Америки, которая даже не смогла найти тут друзей. Меня даже не спасала смуглая кожа с шикарным загаром.

Шанс произвести хорошее первое впечатление потерян, и я навсегда останусь для своих одноклассников девчонкой с другой планеты, на которую не посмотрит ни один парень. Я всегда останусь для них странной.

Я выше этого, но порой одиночество по-настоящему съедает мою душу, и это действительно неприятно и больно.

Я шагаю вдоль стеллажа и внимательно смотрю на обложки книг, никого не замечая и не обращая внимания на других посетителей. Перед глазами мелькают разные названия, но ничто меня пока не может зацепить. Большинство из этих книг я уже прочитала, когда жила ещё в Лос-Анджелесе.

«Химия Чувств».

«Как стать девушкой вампира».

«Спеши любить».

«Сумерки».

«Апельсиновая девушка».

«Империя ангелов».

«Мечтай осторожнее».

«Волшебный дневник».

«Не верю. Не надеюсь. Люблю».

«Здравствуй, грусть».

«Прежде чем я упаду».

«Пандемониум».

Стоп, стоп, стоп!

Я резко возвращаюсь на пару шагов назад и хватаю книгу под названием «Пандемониум», радостно прижимая её к груди. Я даже не смотрю на автора, потому что точно знаю, что это Лорен Оливер. Это вторая часть книги «Делириум», которую я прочитала в прошлом году и которая мне жутко понравилась. Почти взвизгиваю от счастья и бегом направляюсь к кассе, продолжая игнорировать всех посетителей. Рот расплывается в улыбке до ушей, когда я кладу её на прилавок и с нетерпением жду, когда мне скажут цену. Глаза сверкают, а щёки горят, словно я только что совершила что-то запретное и ужасно неприличное.

Женщина лениво отстраняет в сторону журнал и притягивает книгу.

– Пять долларов и двадцать пять центов, – сонно зевает она и кладёт книгу обратно на прилавок.

Я достаю кошелек из небольшой потрёпанной сумочки и начинаю нетерпеливо высыпать деньги на стол. Сердце тяжёлым камнем падает вниз: мне не хватает двадцать пять центов. Целый четвертак. Целый стакан сока в школе.

Я хмурюсь и жалостливо смотрю на кассиршу, на бейджике которой написано «Саманта». На вид ей примерно двадцать девять.

– Мне двадцать пять центов не хватает, – стыдливо кривлюсь я, а она лишь пожимает плечом мол, не её проблемы. – Можно я потом занесу?

Саманта снова зеваёт и тычет пальцем в табличку, на которой написано: «В долг книги не отдаём». Я вздыхаю и прикрываю глаза.

– А можно её отложить для меня? Я даже деньги все отдам. Прямо сейчас до дома сбегая и принесу эти двадцать пять центов, ну, пожалуйста! – я строю жалостливую гримасу, но на неё, по-моему, ничего не действует. – Я ждала эту книгу больше года, мне она очень нужна!

– Это последняя осталась, – как бы просто так бросает она, словно хочет ещё больше меня расстроить.

Я сдаюсь. Придётся вернуться домой, откопать где-то двадцать пять центов и вернуться в надежде, что эту книгу не купят за время моего отсутствия. Папа на работе. У брата денег, наверное, нет. Сестра никогда не одолжит мне даже цент...

Моей спины неожиданно касается чья-то рука, плотно

прижимая к ней ладонь, сбоку появляется силуэт человека, который протягивает мимо меня вторую руку и кладёт на столешницу рядом с кучкой моих денег четвертак. Я смотрю на его профиль. Да, именно на ЕГО, потому что рядом со мной в опасной близости стоит парень примерно моего возраста. У него тёмные каштановые волосы, прямой нос и немного загорелая кожа, почти как у меня, только светлее. Он не смотрит на меня, лишь легко улыбается уголками красивых губ и кладёт на край прилавка книгу, наверное, которую собирался только что купить. Краем глаза я замечаю белую гавайскую рубашку с красными цветами. От его ладони меня бросает в жар, потому что ещё ни один парень так усердно не нарушал моё личное пространство.

Я рассеянно перевожу взгляд на Саманту, которая поджигает губы и принимает деньги, начиная выбивать мне чек. Чувствую, как рука плавно исчезает с моей спины. Я пару секунд медлю, а потом резко поворачиваюсь на сто восемьдесят градусов, но понимаю, что парень уже скрылся на улице, так и не купив свою книгу. Я не вижу названия: она лежит лицом вниз. Может, потому что он отдал мне часть своих денег, и теперь ему не хватало для покупки?

Как-то совестно...

Я снова смотрю на кассиршу, но она лишь лениво кладёт чек поверх «Пандемониума» и притягивает к себе свой журнал. Я медлю, но потом всё же беру книгу и рассеянно бреду в сторону выхода, оказываясь снова на улице. Духота на-

крывает меня с головой, и мне снова становится нечем дышать. Я оглядываюсь, ища взглядом среди прохожих гавайскую рубашку, но её нигде нет. Этот парень исчез, словно никогда и не появлялся.

Ну, вот. Я должна двадцать пять центов парню, которого совсем даже и не знаю. И четвертака у меня нет. У меня вообще теперь денег нет.

Я нелепо улыбаюсь и прижимаю книгу к груди, мне кажется, я ещё чувствую его ладонь на своей спине. Это такое странное ощущение, словно я попала в одну из своих любимых книг.

Я качаю головой, отгоняя в сторону глупые мысли, и шагаю вдоль по тротуару, продолжая думать о том незнакомце, который пожалел меня.

Пожалел...

Сердце немного колет от досадной обиды, и теперь уже не так приятно, что какой-то там парень за тебя заплатил. Наверное, я действительно так жалко выгляжу, что всякие сомнительные личности решают потратить на меня свои последние деньги.

Я фыркаю и немного поджимаю губы, заставляя себя думать не о незнакомце, а о книге, которую я сегодня же начну читать. Не успокоюсь, пока не узнаю, что случилось с полюбившимся мне парнем главной героини, потому что мне ужасно не хочется верить, что он действительно умер. Такие не умирают.

Такие будут жить вечно.

Я замечаю недалеко кафе и шагаю прямо к нему, быстро присаживаюсь за свободный столик на улице под большим красным зонтом и кладу книгу на стол. Через минуту официантка приносит меню, но я прошу просто стакан воды. Денег у меня нет.

Я оглядываюсь, немного щурясь, потому что солнце продолжает слепить глаза, не замечаю никаких знакомых фигур, и прикусываю губу.

Книга отчаянно манит меня открыть её и начать читать. Трудно устоять, поэтому я притягиваю её к себе и с лёгкой дрожью в пальцах начинаю листать. Подношу бумажный мир к лицу и вдыхаю сладкий сводящий меня с ума запах. Кажется, что кружится голова.

Девушка приносит мне стакан воды, а я благодарю её и делаю один глоток. Затем склоняюсь над новенькой книгой и с замиранием сердца жадно начинаю читать.

«Алекс и я, мы вместе лежим на одеяле на заднем дворе дома тридцать семь на Брукс-стрит. Деревья кажутся большие и темнее, чем обычно, – листья почти чёрные и такие густые, что сквозь них не разглядеть небо.

– Наверное, это был не самый лучший день для пикника, – говорит Алекс.

И только тогда я понимаю, что да, конечно, мы не съели ничего из того, что принесли с собой. У нас в ногах стоит

корзина с полусгнившими фруктами, на фруктах кишмя кишат маленькие чёрные муравьи.

– Почему? – спрашиваю я.

Мы лежим на спине и смотрим на полог из густой листвы у нас над головами.

– Потому что идёт снег, – со смехом отвечает Алекс.

И снова я понимаю, что он прав – действительно идёт снег, вокруг нас кружат крупные снежинки цвета пепла. И ещё очень холодно. Дыхание облачками вырывается у меня изо рта. Чтобы не замёрзнуть, я прижимаюсь к Алексу.

– Дай мне руку, – прошу я, но Алекс не отвечает.

Я пытаюсь пристроиться у него под мышкой, но его тело неподатливое, оно словно заковано.

– Алекс, ну, пожалуйста, мне холодно.

– «Мне холодно», – механическим голосом повторяет Алекс.

У него синие потрескавшиеся губы, он, не мигая, смотрит на листья.

– Посмотри на меня, – прошу я, но Алекс не поворачивает голову, не мигает, вообще не двигается.

Внутри меня нарастает паника, истеричный голос всё повторяет, что так быть не должно. Тогда я сажусь и кладу ладонь на грудь Алекса. Он холодный как лёд.

– Алекс, – говорю я, потом уже кричу: – Алекс!»

Я вздрагиваю от мелодии, которая доносится из моей сум-

ки, и перестаю читать. Сердце бьётся часто и сильно отдаёт вибрацией в виски. Я только через пару секунд понимаю, что мне кто-то звонит, приходится шумно вздохнуть и на пару секунд прикрыть веки, только после этого я тянусь к сумке и достаю телефон.

На дисплее: «Папа».

– Да, па, – я оглядываюсь, словно боюсь, что кто-то за мной наблюдает.

– Лина? – его голос звучит ещё более уставшим, чем сегодня утром. – Ты сейчас где?

– Я в городе, – я беру стакан и делаю ещё один глоток холодной воды, потому что горло жутко пересохло, а губы немного потрескались от жары. – А что?

– Вернись домой. С твоим братом что-то там случилось. Проверь его, – он лениво выдаёт каждый звук, словно готов вот-вот заснуть.

– И что с ним? – неохотно ставлю стакан на стол.

– Я не знаю. Соседи говорят, что из нашего дома какой-то вопль доносится. Я звонил твоей сестре, но она не берёт трубку, а сам я не могу приехать, – папа устало вздыхает, словно хочет сказать нам, как мы его все достали, но не решается.

– Хорошо, я проверю. Пока.

Я отключаю телефон и прячу обратно в сумку. Допиваю одним залпом воду и встаю, не забыв прихватить с собой книгу с красивым названием: «Пандемониум». Придётся

ся пешком идти до пляжа и проверить, что там за вопли издаёт мой брат. Это скучно и неинтересно, потому что получится как всегда: я приду, а с ним всё в порядке.

HOT CHELLE RAE – Tonight Tonight

Я прижимаю локтём к боку книгу, открываю дверь нашего дома и устало вздыхаю. Идти по жаре от города до пляжа оказывается куда тяжелее, чем я рассчитывала, но это не имеет уже никакого значения. Главное, что я пришла и теперь могу спокойно переодеться и принять душ. А потом пойду на пляж и продолжу читать.

– Макс! – я зову брата, но тот не отвечает. – Максимус! – ещё громче. Снимаю сандалии и бросаю их в угол. Сумку ставлю на тумбочку, но продолжаю держать в руках книжку, словно это нечто ценное и дорогое моему сердцу.

Брат не отвечает, словно его и вовсе нет дома, однако я обещала папе его проверить, так что будет как-то совестно, если я этого не сделаю. Я решаю быстро обойти все комнаты, а потом с чистой совестью скинуть с себя потную одежду и встать под прохладные струи воды, уже ожидающие меня в ванной. В помещении немного прохладнее, чем под прямыми лучами обжигающего солнца, хочется задержаться здесь подольше или хотя бы немного «остыть» и только потом выходить обратно на улицу.

В такие дни жутко хочется оказаться на Северном полюсе,

нырнуть в снег и никогда оттуда не вылезать. Замёрзнуть до посинения кожи, чтобы губы трескались от мороза, чтобы тело заоченело. Чтобы сердце перестало биться и, наконец, оставило меня в покое.

Я качаю головой, отгоняя в сторону глупые мысли, и, продолжая прижимать к груди «Пандемониум», иду в сторону комнаты Максимуса. Решительно открываю дверь и замираю, с широкими глазами наблюдая не очень приятную картину.

Не знаю почему, но я не могу даже пошевелиться, с каким-то ужасом и страшным смущением следя за интимной частью жизни младшего брата, свидетелем которой мне никогда не хотелось бы стать, но я стала!

Парень трахает какую-то незнакомую мне девушку, которая, обхватив его талию ногами, выразительно стонет в такт его движениям, а я в ступоре стою, прижимая книгу к груди двумя руками, и смотрю на них.

Не знаю, сколько проходит времени с того момента, как я открываю дверь, но мне кажется, что целая вечность!

Макс вдруг замечает меня и на пару секунд останавливается, кидая в мою сторону яркий сияющий взгляд.

– Свали, Лина! – выдыхает он своим сбившимся голосом и хватается одну из своих подушек, кидая в мою сторону.

Я вспыхиваю ещё больше и быстро захлопываю дверь, слыша, как подушка ударяется об обратную сторону преграды, что разделяет меня и эту пару, а затем падает на пол.

Стоны становятся громче.

Теперь я понимаю, какие «вопли» слышали соседи. Держу пари, что эти самые «вопли» принадлежат той девчонке, что сейчас лежит под моим братом. Я, конечно, рада за них и всё такое, но чтобы я ещё раз попала в такую дурацкую ситуацию!

Максимум младше меня на два года. Ему почти шестнадцать. Хотя с его растрёпанными светлыми волосами, не подетски серьёзными карими глазами, как у отца, высоким ростом и широкими плечами он выглядит куда старше. Он выше меня почти на голову – я самая маленькая в семье, и это меня порой пугает. Неприятно быть незаметной и совсем ещё мелкой, хотя мне, между прочим, скоро уже восемнадцать!

Я люблю Макса по-своему, не так, как отца или сестру. Или маму. Он для меня всегда останется моим младшим братиком, которого мне нужно будет защищать и оберегать. Даже если мы с ним совсем перестанем общаться.

Я никогда не спала с парнем. Да, конечно, я знаю, как это всё происходит и при каких обстоятельствах, один раз я даже разговаривала об этом с мамой. У меня тогда появился мой первый мальчик. Мы жили тогда в Сан-Диего, мне было четырнадцать, и его звали Джулиан Кроун. Он был милым блондином с вечно растрёпанными волосами, которые никогда его не слушались. А ещё он носил всегда кепки с прямым козырьком. Он учился в параллельном классе моей первой

школы, тогда у нас был «Весенний бал», и он меня туда пригласил. Джулиан поцеловал меня во время медленного танца. Мне кажется, я до сих пор помню вкус этого первого поцелуя, помню его прикосновения и жар его пальцев.

Мы встречались с ним больше трёх месяцев. Он классно целовался. Я помню это лучше всех – поцелуи. Это мне казалось таким запретным и прекрасным, что я сходила с ума от его губ.

А потом умерла мама, и мы всей семьёй переехали в Лос-Анджелес.

Иногда мне кажется, что меня наказал Бог за эти «запретные» поцелуи. В такие моменты я ненавижу себя и Джулиана. Я ненавижу весь мир.

Следующие три года я прожила в какой-то депрессии, и мне было не до отношений. Никто и не предлагал. Никто мне и не нравился.

Я закрываю глаза и трясую головой, надеюсь, что навязчивые стоны оставят мою голову в покое, чувствую, как по виску к подбородку стекает капля пота: ещё больше хочется под холодный душ. Я сильнее сжимаю руками «Пандемониум» и плетусь в сторону своей комнаты. Я захожу внутрь и открываю шкаф, начиная вглядываться в груды своей одежды, половину из которой я даже не ношу. Достаяю из глубины сарафан и прикрываю дверцу.

Стоны за стенкой не прекращаются, и мне кажется, что их кровать начинает биться о стену. Они в этом доме тонкие,

поэтому всё прекрасно слышно. Я даже иногда по ночам могу разобрать слова моей сестры, когда она болтает по телефону. Почему-то становится смешно, и я, убивая в себе эту улыбку, спешу в сторону ванной. В руках всё ещё обитает «Пандемониум» и лёгкий сарафан цвета бирюзы.

Кладу книгу на стиральную машину и включаю воду, которая сразу заглушает возню в комнате Макса.

Несколько холодных капель попадает мне на руку, пока я снимаю с себя потную одежду и бросаю её в корзину для грязного белья. Накрываю «Пандемониум» полотенцем, чтобы на него не попали случайные брызги, стягиваю купальник и становлюсь под ледяной душ, от которого на моей коже тут же вскакивают мурашки, а волосы на руках встают дыбом. Это ещё ничего, зато на жаре будет просто потрясающее самочувствие, по крайней мере, в течение следующего часа.

Я закрываю глаза и подставляю потоку своё лицо, волосы быстро намокают, а губы немеют. Кажется, будто мозг навсегда отказывается работать и превращается во что-то неприятное и противное, постепенно начиная болеть. Я ловким движением поворачиваю кран и делаю поток воды немного теплее – теперь не так холодно.

Я думаю о книге, которая лежит под полотенцем на стиральной машине и ждёт, когда я снова её раскрою и продолжу читать, о полюбившемся мне парне из этой книги, который погиб ради своей любимой, хотя я в это не хочу верить; о главной героине, которая потеряла свою любовь; о брате,

который ни разу не читал этот роман и который прямо сейчас за стенкой занимается сексом; о папе, что пропадает каждый день на работе; о сестре, которую я не видела уже три дня. О маме...

И о том парне, которому я должна четвертак.

Хотя я не хочу о нём думать. Совсем-совсем.

Или хочу?

Я фыркаю, когда вода попадает в нос, и наклоняю голову – капли стекают по лицу и растворяются в потоке общего водоворота. Прислоняюсь рукой к плитке – пальцы быстро скользят по ней, оставляя красивый отпечаток своей жизни.

Я снова вспоминаю маму. Она всегда проводила в душе целую вечность, помню, как мы с братом ждали часами, когда она освободит ванную, а когда она, наконец, выходила, появлялась сестра и без очереди лезла вперёд. Макс вечно возмущался, что ему приходится принимать душ последним.

Папа всегда молчал.

Последний раз подставляю лицо под струю воды и поворачиваю кран. Немного медлю, а потом осторожно ступаю мокрыми ногами на пол, быстро хватаю полотенце, которое прячет «Пандемониум», и начинаю вытирать свою кожу. С волос продолжает стекать настырные капли и скатываться по спине, поэтому я подсушиваю волосы этим же полотенцем и бросаю его в сторону корзины – оно приземляется на мои грязные вещи.

Я надеваю купальник и поверх него сарафан, хватаю книгу

и с мокрыми волосами выхожу в коридор. Стонув больше не слышно, наверное, я слишком долго пробыла в ванной, раз они успели закончить. Положив роман на тумбочку, я подхожу к зеркалу, замечая, как из своей комнаты выползает брат.

– О, Максимус, – я лукаво улыбаюсь, продолжая поправлять мокрые волосы.

– Заткнись, Лина! – я поворачиваюсь к нему: его глаза сияют странным блеском, лицо раскрасневшееся от бурных событий последнего часа. Он стоит в одних шортах и светит передо мной своим идеальным торсом. – Сколько раз я просил тебя не называть меня полным именем? Оно ужасно!

– А по мне, красивое имя, – пожимаю плечом, чувствуя, как по виску скатывается капелька воды. – И где твоя подружка?

Прохожу мимо него, направляясь в сторону своей комнаты. Макс плетётся следом за мной.

– Она не моя подружка, – парень довольно улыбается. – А где Алексис?

Я захожу к себе и подхожу к комоду, боковым зрением замечая, как брат прислоняется к косяку плечом.

– Не знаю, я её дня три не видела, – я поджимаю губы. – Папа звонил, сказал, что соседка услышала, как ты вопишь, – я пожимаю плечом и достаю оттуда лёгкое покрывало. – Видимо, вопил не ты, – продолжаю улыбаться.

– Ну, я уж точно не «вопил», – усмехается он. – Это Джу-

лия. Она уже ушла.

– Так быстро? – я удивлённо вскидываю бровь.

– Ну, да, – брат мечтательно прикрывает глаза. – Она здесь отдыхает. Почему мне нельзя завести курортный роман?

– А я что тебе запрещаю? – я прохожу мимо него. – Ты и так каждый день девчонок меняешь...

– И не каждый день. Я же не виноват, что все они такие красивые. А ты где была? – Макс провожает меня взглядом.

– Нашёл бы себе для серьёзных отношений кого-нибудь, – бросаю я. – В книжном, – я вдруг вспоминаю о таинственном незнакомце, о своей покупке и резко останавливаюсь, поворачиваясь в сторону брата. – Двадцать пять центов одолжишь?

– А зачем тебе? – он вскидывает бровь.

– Один парень в гавайской рубашке доплатил за книгу, – я хмурюсь и прикусываю губу. – Надо бы отдать, если вдруг встречу...

– И как его зовут? – Максимус хмыкает, наверное, представляя меня с мальчиком.

– Не знаю. Он так быстро сбежал... – я умолкаю.

Сбежал... Так глупо прозвучало.

– Здесь полно туристов в гавайских рубашках, – брат улыбается, словно говоря, что я вряд ли его теперь найду. – Хотя у меня завалялся четвертак.

Максимус достаёт из кармана шорт деньги и кладёт на тумбочку, что стоит в шаге от него.

– Спасибо, – улыбаюсь я, но он отмахивается рукой и скрывается в своей комнате. – Отцу ни слова о том, что ты видела, и можешь деньги не возвращать! – кричит он.

– Я согласна! – я весело улыбаюсь, качая головой.

Перед глазами опять всплывает картинка, где Макс занимается любовью с очередной своей пассией, но я замечаю свою новую книгу и почти сразу же забываю об этой нелепой случайности.

SHAKIRA – Addicted to You

Шлёпаю босыми ногами по горячему песку, который забивается мне между пальцев и приятно щекочет кожу. Под мышкой «Пандемониум», а в руке сумка, в которую я незадолго до выхода из дома положила всё, что мне может пригодиться на пляже. Я люблю одно красивое местечко на западном побережье, которое находится чуть дальше от нашего дома. Там я часто загораю, когда хочу побыть одна.

Вдали от всех. От папы, Макса и Алексис. Вдали от своих одноклассников и других жителей этого города.

Здесь мне кажется, что мама рядом. Со мной, сидит на песке и смотрит на океан. Я в это верю всей душой и никому не позволю возражать моим мечтам, потому что в них я королева.

Океан спокоен и тих – яркое солнце позволяет своим лу-

чам играть на его поверхности и ещё больше ослеплять людям глаза. Нет ни одного сёрфера. Горизонт совсем пуст, не считая единственного рыбацкого судна, которое одиноко виднеется вдали.

Я иду вдоль берега, задумчиво вглядываясь в спокойную гладь воды. Жарко и душно. Какая-то парочка идёт по пляжу, держась за руки, – они мило болтают и тихо смеются. Где-то в совсем другой стороне ребята играют в пляжный волейбол – их возгласы доносятся до меня тихим эхом. А слева от меня я замечаю сёрферскую доску, рядом с которой лежат побросанные вещи, хотя их владельцев я не вижу ни на пляже, ни в воде.

Я дохожу до нужного места довольно быстро, прохожу мимо каких-то туристов, что расположились почти у самой воды, и останавливаюсь у красивой пальмы, где я обычно провожу время. Расстилаю на песке покрывало, которое только что вытащила из сумки, аккуратно кладу на него книгу и сумочку. Немного прикрыв веки, я изящно снимаю сарафан, оставаясь в одном купальнике, и ложусь на живот лицом к океану. Передо мной оказывается роман. Я достаю тёмные очки, чтобы солнце не слепило глаза, и открываю нужную страницу.

Удивительно, но главную героиню зовут точно так же, как и меня. Лина. Магдалина. Имя любви, имя амор делирия нервоза. Я читала «Делириум» довольно долго, порой перечитывала отдельные моменты, погружаясь в них снова и сно-

ва. Некоторые строки доводили меня до слёз – настолько всё было трогательно и прекрасно.

Любовь – это всегда прекрасно.

Особенно там, где она считается болезнью. Много книг написано на тему «идеальное государство», но эта настолько замечательная, что её хочется перечитывать день за днём, лишь бы только не вырваться из этого мира запретных поцелуев и чувств никогда.

Жаль, что я похожа на главную героиню только именем. Со мной таких чудесных моментов никогда не случится. Это только вымысел.

Не мой вымысел.

«В желудке пусто, но меня всё равно выворачивает. Я кашляю и сплёвываю желчь на ковёр из блестящих от влаги листьев. Над головой чирикают птицы. Какой-то зверёк подкрадывается ближе узнать, в чём дело, и тут же убежит обратно в заросли.

«Думай, думай. Алекс. Думай о том, как поступил бы он в этой ситуации».

«Алекс здесь, он рядом. Представь это».

Я снимаю футболку, рву её по шву и обвязываю себя вокруг груди, прижимая чистый кусок к ране. Это помогает остановить кровотечение. Я понятия не имею, где я и куда иду, знаю только, что нельзя останавливаться, надо идти вперёд, глубже в лес, дальше от пограничного заграждения,

от мира псов, автоматов и...

От Алекса.

«Нет, Алекс здесь. Ты должна верить в то, что он рядом».

Шаг за шагом, отбиваясь от колючек и мошкары, от толстых веток, через тучи moskitov и повисший в воздухе туман. В какой-то момент я набредаю на речку. Я настолько ослабла, что меня чуть не уносит течением. Ночью льёт проливной дождь, безжалостный и холодный. Я укрываюсь между корней громадного дуба, а вокруг меня в непроглядной темноте взвизгивают, ворчат, суетятся невидимые зверьки. Я боюсь заснуть, если я усну, то умру.

Я родилась не сразу, новая Лина не появилась на свет одним рывком.

Шаг за шагом... Дюйм за дюймом.

Ползком, корчась в грязи, со вкусом дыма во рту.

Впиваясь ногтями в мокрую землю. Как червь.

Так она приходит в этот мир. Новая Лина.

Когда я больше не могу двигаться вперёд, даже по дюйму, я кладу голову на землю и ждущу смерти. Я слишком устала, чтобы бояться. Надо мной – чернота, вокруг меня – чернота, звуки леса – моё отпевание. Я на своих похоронах. Меня опускают в узкое темное место. Рядом стоят тётя Кэрол, и Хана, и моя мама, и сестра, и даже мой давно умерший отец. Они наблюдают за тем, как моё тело опускают в могилу, и они поют.

Я в чёрном туннеле. В туннеле туман. Но мне совсем не страшно.

На выходе из туннеля меня ждёт Алекс, он стоит в лучах солнца и улыбается.

Он протягивает мне руку, зовёт...»

Через какое-то время меня возвращают в реальность чьи-то голоса. Я неохотно отрываю взгляд от страницы и поднимаю голову, замечая в нескольких метрах от меня трёх парней. Двое из них, кажется, мои одноклассники. Один...

В белой гавайской рубашке с красными цветами. Я немного наклоняю голову, отчего очки съезжают на кончик носа и позволяют мне лучше разглядеть его. Каштановые волосы, широкие плечи, прямой нос. Он поворачивается ко мне в профиль, и я с удивлением узнаю в нём парня, который доплатил за меня двадцать пять центов.

Ему я должна этот чёртов четвертак, который лежит где-то на дне моей сумочки.

Я узнаю блондина – это Майк Купер. И черноволосого – Тони Кондер.

Парни о чём-то спорят.

Сначала тихо, отчего мне не удаётся разобрать их слова, затем гораздо громче. Майк толкает «моего незнакомца» в грудь – он отступает на полшага назад и сжимает кулаки.

– ...один раз... Завтра ты отдаёшь... Или... тебе не нужно будет... Понял? – блондин говорил отрывисто и как-то тихо.

Я слышу только обрывки его фраз.

– Да пошёл ты! – «гаваец» замахивается и ударяет его прямо в челюсть.

Я хмурюсь, совершенно не зная, как реагировать на эту стычку. Просто представить, что меня тут нет, или вмешаться? Хотя, если подумать, что я смогу сделать? Только под удар попаду...

Майк отшатывается назад, а Тони, словно повинуюсь мысленному приказу, хватается «моего незнакомца» сзади за локти, предотвращая все его попытки обороняться. Что этот парень сделал двум самым популярным мальчикам в моём классе, я представить не могла.

– Охренел совсем? – Кондер сильно сжимает его локти, заводя за спину.

Незнакомец поднимает голову, смотря на Майка, а на его губах я замечаю насмешливую ухмылку. Блондин что-то говорит, но брюнет не отвечает. Тогда Купер замахивается и ударяет парня в живот, отчего тот сгибается пополам, но продолжает молчать. Даже не издаёт никаких звуков, которые говори бы о его боли или вообще о каком-то дискомфорте. Я вздрагиваю и приподнимаюсь на локтях, когда Майк замахивается ещё раз, вторым ударом сбивая беднягу с ног – его ноги немного подкашиваются, но он не падает на колени благодаря хватке Тони.

– Я повторять ещё раз не буду, – Купер одёргивает свою футболку, наблюдая за тем, как незнакомец возвращает себе

свою позицию и снова крепко встаёт на ноги.

– А что? Слабо ещё раз повторить? – его голос доносится до меня какими-то тихими звуками, но мне всё равно он кажется каким-то бархатным и мягким, не смотря на то, что в его нотках есть и раздражение и насмешка.

Майк психует. Он замахивается снова, но в этот раз у него не получается попасть в цель – «мой незнакомец» ловко выпрямляется и одним ударом ноги отправляет Купера на несколько метров назад, отчего тот падает на землю. От сильного удара они с Тони отступают на два шага, ноги Кондера увязают в песке, и парень начинает падать, продолжая держать локти «моего незнакомца», однако брюнет ловко разворачивается, выскальзывая из цепких пальцев, и с одного удара отправляет Тони в нокаут, прежде чем он сам оказывается в лежачем состоянии.

В этот момент Майк приходит в себя и поднимается на ноги, начиная подходить к противнику со спины. Я вздрагиваю и дёргаюсь, вдруг возникает желание крикнуть и предупредить того парня об опасности, но он справляется и без меня. Резкий поворот на сто восемьдесят градусов, блокировка удара, болевой захват и удар коленом в живот – после всех этих событий Купер снова лежит на земле, но теперь уже не двигается. Я как-то облегчённо вздыхаю.

«Мой незнакомец» стоит на песке в белой гавайской рубашке с красными цветами, в длинных шортах, с растрёпанными волосами и горящими глазами, которые я вижу даже

отсюда. Он секунду медлит, осматривая парней, затем резко поворачивается в мою сторону, и мы встречаемся взглядами.

Он смотрит на меня, а я смотрю на него над солнцезащитными очками, которые держатся на кончике моего носа. Немного неловко от его прожигающих блестящих глаз – отсюда я не вижу, какого они цвета. Сердце начинает набирать темп, а щёки вспыхивают, словно я только что застала его за переодеванием.

Парень легко улыбается мне и подмигивает. Я, наконец,рываю наш зрительный контакт и поправляю очки, прячась за тёмными стёклами. Он склоняет голову к плечу и направляется вдоль берега, бросая мне последнюю улыбку, а я утыкаюсь в книгу и краснею ещё больше.

Он уходит.

Я остаюсь одна.

Океан по-прежнему спокоен и невозмутим, пляж почти пуст, а солнце всё так же беспощадно сгорает на своей собственной орбите. Холодный душ больше не спасает – мне начинает казаться, что я плавлюсь как шоколад.

Через некоторое время я захлопываю книгу, не в силах больше выносить этой пытки, собираю вещи и иду домой.

LINKIN PARK – Burn It Down

Подружка на один вечер

Я возвращаюсь домой и снова попадаю в руки холодного душа. Только он меня спасает в такие невыносимо жаркие дни. Дома никого нет, наверное, Максимус ушёл гулять со своими друзьями, Алексис так и не вернулась с таинственной прогулки, а папа всё ещё пропадает на работе, поэтому сейчас весь дом в моём распоряжении. Я могу спокойно взять к себе в комнату «Вини», не слушая лишней раз вопли: «Сегодня моя очередь», завалиться на кровать и продолжить читать книгу, которая сейчас в одиночестве лежит на тумбочке в коридоре вместе с остальными моими вещами и дожидается, когда я вернусь в её «лучший» мир.

Вскоре я выхожу из ванной в одном полотенце, чтобы откопать в своём шкафе ещё какие-нибудь чистые вещи и скорее натянуть их на всё ещё влажную кожу, шлёпаю босыми ногами по полу, почти что слыша, как влага испаряется на «шипящем» от жары кафеле, и скрываюсь в своей комнате.

Здесь небольшой бардак, который я оставила с утра, но я не обращаю на него внимания и надеваю свой второй купальник, который нахожу в комод. Шумно вздыхаю и улыбаюсь, понимая, что «Вини» всё ещё здесь, со мной. Никто его не брал, что очень даже странно, потому что обычно он идёт нарасхват. Я включаю его одним ловким движением – сырое тело постепенно «высыхает», и я начинаю чувствовать себя засохшим скукоженным яблоком. Направляю вентилятор в сторону кровати, возвращаюсь в коридор, беру книгу и пристраиваюсь посередине матраса на животе. Книга раскрыта

на очередной странице, но я не спешу начинать читать.

В голове мелькает лёгкая улыбка «моего незнакомца», и мне тоже хочется глупо улыбаться, ощущая в своей груди липкое чувство какой-то лёгкой влюблённости. Даже не влюблённости, нет, – это, скорее всего, глупая фантазия, в которой я придумаю себе «новую» Лину и буду представлять, как этот самый незнакомец будет проводить своё время с этой «новой» Линой. И возникает жгучее желание снова отправиться в город или на пляж, только чтобы опять случайно встретить его, чтобы увидеть поближе и, наконец, рассмотреть цвет его глаз.

И отдать четвертак.

«Флэшбэк – начальный курс истории Америки, миссис Дернлер сверкает глазами из-под огромных очков и тычет пальцем в открытый учебник.

– Видите? Видите? – говорит она. – Эти старые религии все замараны любовью. От них исходит запах этой скверны, они источают делирию.

И естественно, тогда это звучало устрашающе и казалось правдой.

Любовь – самое смертоносное оружие на свете.

Она убивает...

Алекс.

И когда она присутствует в твоей жизни...

Алекс.

И когда ты живёшь без неё...

Алекс».

Слышу, как распахивается входная дверь, отчего я прикрываю глаза и вздыхаю: опять нарушили моё уединение. Кто-то скидывает ботинки, бросает что-то на тумбочку, шумно вздыхает, а потом быстро проходит мимо распахнутой двери моей комнаты, но через мгновение пятится и возвращается обратно.

– О, Лина, – Макс облегчённо вздыхает. – Тебя-то я и ищу.

– Меня? – подозрительно хмурюсь и забываю от такой новости даже о том, что собиралась поплакать из-за смерти Алекса.

– Да, тебя, – он выдыхает, словно только что пробежал кучу километров. – Нужна помощь. Это очень важно. Очень.

Я медлю, пристально смотря на брата, словно говоря: мол, говори быстрее. Он молчит. Его глаза сверкают странным азартным блеском, в такие моменты обычно следует что-то неприятное или слишком крутое для меня, что исполнить я не могу либо из-за своих ограниченных возможностей, либо из-за своей гордости.

– Можешь притвориться на этот вечер моей девушкой? – выпаливает он на одном дыхании.

Я вскидываю бровь и глупо наблюдаю, как яркое солнце, пробивающееся через распахнутое окно, играет на загорелом торсе парня. Кажется, что он сделан из меди и его про-

тирали несколько часов подряд, чтобы он блеснул на свету. Конечно же, это просто игра моего воображения.

– Что? – я закрываю и открываю глаза.

– Нужно, Лина, ну, пожалуйста! – Максимус строит щенячьи глаза. – Ну, хочешь, я перед тобой на колени встану?

– Нет! – я перекатываюсь на бок и скатываюсь с кровати, не хватало ещё, чтобы он тут ползал в моих ногах и собирал всю пыль. Потом придётся стирать его шорты, хотя, нет, пусть поползает, зато полы помет, а то как раз его очередь.

Встаю и прохожу мимо брата на кухню, чтобы взять из холодильника бутылку воды.

– Ну, Ли-и-и-ина! – тянет он и плетётся следом.

– Я не буду притворяться твоей девушкой перед твоими тупыми друзьями! – я морщусь и открываю морозилку. – Попроси... как её... ту, с кем ты сегодня занимался любовью, – я произношу последнее слово с придыханием.

– Она не может, – я вижу краем глаза, как он скрещивает руки на груди.

– Что? Ты так плох в постели? – смеюсь я. Шучу, конечно.

– Нет, – обиделся. Пауза. Я достаю банку и поворачиваюсь к нему, с тихим шипением открываю крышку и слышу, как дверка морозилки захлопывается само собой. – Она вечером улетает уже. Ну, тебе трудно, что ли?

– Это извращение! – я делаю глоток. – Тем более что все твои приятели меня знают. Это будет глупо!

– ЭТИ не знают, – настаивает Макс. – Они из другого го-

рода. Я просто ляпнул, что у меня самая шикарная девушка, а они попросили, чтобы я привёл её на вечеринку к ним сегодня. Если сознаюсь, они меня засмеют, и мне будет стыдно с ними общаться, а они такие крутые! – он заскулил. – Ну, выручи... Я не успею найти до вечера себе подружку.

Я вздыхаю и медленно закрываю крышку от бутылки.

– Во-первых, я не хочу участвовать в твоих авантюрах, – тяну я. – Во-вторых, это твои проблемы, что ты любишь хвастаться. Я понимаю, что у тебя мужская гордость и всё такое, но это реально ТВОИ проблемы. И, в-третьих, – я верчусь вокруг своей оси, вскидывая руки в стороны, в одной из которых находится бутылка с водой, словно показывая всему свету свою фигуру. – Я что похожа на самую шикарную девушку?

Брат молчит, а потом выдаёт такое, от чего я вообще впадаю в ступор.

– Для меня ты самая красивая девушка в мире, – улыбается он, а потом поспешно добавляет. – Как сестра.

Я немного краснею и отвожу глаза в сторону. Мне никто и никогда такого не говорил, кроме Джулиана и мамы.

– Для тебя, – тихо буркаю я. – Для остальных я «пустое место».

– Не говори так, – отмахивается Максимус. – Наденешь вещи Алексис, накрашишься круто и будешь лучше всех твоих фиф-одноклассниц. Так, ты поможешь?

– Нет, – я подбрасываю бутылку в воздух и ловлю её той

же рукой.

Парень шумно вздыхает и прикрывает глаза.

– Лина, – опускает голову и строит глазки. Мне становится его жаль. – Я тебе отдам все свои деньги. У меня пятьдесят баксов накопилось, забирай их все и купи себе хоть море своих дурацких книг, только помоги, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, я ведь не отстану!

– Ну, я не знаю, – я кривлюсь, понимая, что это ужасная идея врать кому-то что я «встречаюсь с собственным братом». Даже если никто не будет знать о том, что это мой брат.

Хотя идея купить кучу книг звучит весьма заманчиво...

– А так? – Максимус лукаво улыбается, разворачивается и берёт со стола у себя за спиной мой «Пандемониум», который я оставила на кровати. Этот паршивец успел взять его, пока я не видела! – Верну, если притворишься моей подружкой, – крутит книгой в воздухе, а я, как кот наблюдает за веревочкой, прожигая пожирающим взглядом мою новенькую книжку. – Пообжигаемся, почмокаемся в щёки, подыграешь мне и всё. Пожа-а-а-алуйста... Или не отдам.

Резко убирает за спину. Меня словно охватывает какая-то липкая паутина, отчего я стискиваю пальцами банку – она трещит пластиком – и выдыхаю:

– Ладно, ладно! – не выдерживаю я. – Только верни книгу!

– Без проблем! – Макс поспешно поднимает руки и отступает на шаг назад, осторожно положив «Пандемониум» на стол. – В пол одиннадцатого будь готова.

Я поджимаю губы.

– Если все узнают правду, то мне будет плевать, я тебя прикрывать не буду, – сразу предупреждаю я, теребя в руке бутылку.

– Не узнают, – Максимус улыбается. – Ты, главное, пореалистичнее будь, представь, что я твой парень и всё такое.

– Это будет трудновато, – я хмурюсь, понимая, что в моей жизни был всего лишь один единственный парень – Джулиан – и то три года назад. Я даже забыла уже, как целоваться правильно.

– Сымпровизируем, – брат подмигивает и выходит из кухни, а я остаюсь в гордом одиночестве с одной единственной мыслью, что я начинаю заниматься каким-то извращением. Осталось только переспать с Максом, и можно будет добровольно идти в психбольницу. Хотя, признаться, это заманчивая идея: буду там в полном одиночестве, в тишине и покое читать книги.

Я качаю головой и ставлю бутылку на стол, слышу, как вода бьётся о пластиковые стенки, надеясь вырваться наружу. Ничего у неё не получается, это всё равно что мне пытаться стать гламурной блондинкой, что противоречит всем моим принципам.

«Пандемониум» мирно лежит на поверхности стола. Видимо, не судьба мне его нормально почитать сегодня, а завтра в школу, может быть, успею погрузиться во время перемены хотя бы в несколько страниц...

Было бы здорово, если бы мне и там не мешали. Хотя бы раз в жизни.

За стенкой включается музыка, которая принимается отскакивать басами от поверхностей дома, отчего мне начинает казаться, что он «пляшет» в такт мелодии. Тишины мне, видимо, уже не дожидаться, а если Максимус включил свою шарманку, то его уже невозможно заставить даже сделать по-тише.

Я вскидываю руками и на пару секунд прикрываю глаза. Как же это нелепо всё-таки...

QUEST PISTOLS – КЛЕТКА

Я стою перед зеркалом в своей комнате и хмурюсь, оглядывая свой яркий макияж и совсем короткое чёрное платье с угольными камнями на груди, которое я одолжила из гардероба Алексис. Всё это смотрится на мне как-то непривычно и вульгарно, признаться, я сроду никогда не носила такие вещи, и теперь, глядя на то, как всё это смотрится на моём маленьком теле, я стою и думаю: «Кто это? Кто эта незнакомка, которая отражается в зеркальной поверхности вместо меня? Кто она? И почему я никогда не была такой красивой раньше?»

«Я просто ляпнул, что у меня самая шикарная девушка, а они попросили, чтобы я привёл её на вечеринку к ним се-

годня».

Интересно, Макс будет и сейчас думать, что я «самая красивая девушка в мире»? Или решит, что я превратилась в шлюху и выгляжу ужасно? И почему меня волнует его мнение? Я могла бы сейчас, между прочим, читать «Пандемониум», а не страдать фигнёй. А Алексис бы согласилась ему помочь? Может, брат специально попросил меня, потому что сестры не было дома? А так бы он ей сказал, что «для меня ты самая красивая девушка в мире»? Или...

– Вау, – я вздрагиваю и поворачиваюсь к двери, в которой стоит брат и осматривает меня с ног до головы. – Жаль, что ты моя сестра, я бы тебя...

Он стоит в потёртых джинсах, в чёрной футболке с бардовыми револьверами и в кедах с ярко-салатовыми шнурками. Волосы у него немного мокрые и растрёпаны гораздо больше, чем обычно.

– Что? – смеётся он. – Я просто хочу сказать, что ты прекрасна. Смотри, что я нашёл у нашей сестрёнки.

Парень отстраняется от косяка и показывает свою вторую половину тела, которая была скрыта за косяком. Он вскидывает руку, в которой зажаты чёрные туфли на высоком каблучке, и довольно улыбается.

А я в ступоре пялюсь на эту обувь и в мыслях психую: «Я это ни за что на свете не надену!!!».

– Та-да! – брат выглядит таким довольным, что кажется, он вот-вот завизжит от радости.

– Что это? – спрашиваю я, хотя прекрасно знаю, что за вещь этот странный парень под названием «мой родственничек» держит в руке.

– Это? – он смотрит на обувь, затем снова переводит взгляд на меня. – Ты это наденешь сейчас, – уверенным приказным тоном говорит он. – Или ты собираешься идти на вечеринку в своих старых шлёпках? – усмехается.

– Нет, но...

– Вот и отлично, – Макс широко улыбается, затем входит в комнату и пихает мне в руки туфли. – Я подожду на улице.

Он исчезает из поля моего зрения, прежде чем я успеваю хоть что-то сказать. Парень хлопает входной дверью, а я стою и ловлю ртом воздух, словно рыба, оказавшаяся на суше без такой необходимой для неё воды. И, кажется, что она вот-вот задохнётся и погибнет, смотря на свою родную стихию, которая продолжает жить без неё, убитая таким безобидным воздухом, но тут какой-то спаситель решает избавить её от мучений и отпускает обратно в воду.

Я вздыхаю и надеваю туфли – они приходится мне прямо впору, и я даже немного этому удивляюсь, потому что нога Алексис гораздо крупнее моей. Не знаю, где Макс откопал эти туфельки, но он действительно молодец, однако я всё равно чувствую себя неуверенно на таких каблуках.

Я надевала такую обувь всего несколько раз: на какие-нибудь важные мероприятия или на свидание с Джулианом. Это было до смерти мамы. Это было почти три года назад, а

потом я перестала так одеваться. Я вообще перестала заморачиваться на счёт одежды. Какая разница, в чём ходить, если всё равно все, для кого я раньше соблюдала законы красоты, исчезли из моей жизни?

Смысла я больше в этом не вижу.

Делаю пару нерешительных шагов, чтобы хотя бы вспомнить, какого это, ходить на шпильках, понимаю, что ещё не всё забыла, и легко улыбаюсь, прикусывая губу. Мгновение колеблюсь, а потом решительно иду в сторону двери и выхожу на улицу, где на крыльце меня уже ждался Макс.

– Готова? – он поворачивает голову и легко улыбается. Я вижу, как он барабанит пальцами по ноге – нервничает.

– Да, – я вздыхаю и на секунду прикрываю веки. – Идём.

– Едем, – поправляет он и кивает куда-то в сторону.

Я перевожу туда взгляд и удивлённо вскидываю бровь, приоткрывая рот.

– Откуда у тебя байк? – непонимающе лепечу я.

– Друг дал погонять на время, – Максимус медленно прячет руки в карманах джинс и спускается по ступеням. Я иду следом за ним, как хвостик.

– Друг? – переспрашиваю я.

– Да. Его наказали за драку в школе, а он испугался, что отец заберёт его мотоцикл, поэтому мне на время сбагрил, – парень пожимает плечами. – Не бойся, я умею им управлять.

Я нерешительно останавливаюсь рядом с братом, наблюдая за тем, как он снимает с железного коня подножку и вы-

водит его на дорогу. Вся уверенность начинает меня постепенно покидать, когда Макс заводит двигатель и запрыгивает на байк.

– Давай, Лина, – он зовёт меня к себе, нетерпеливо дёргая плечом. – Нас уже ждут.

– Я же в платье! – подхожу ближе, возмущённо скрещивая руки на груди.

– И что? – брат закатывает глаза. – Прижмись покрепче и никто ничего там не увидит.

– Но...

– Ли-и-и-ина! Мы опоздаем же, если пешком пойдём, – Макс сидит на байке, одной ногой упираясь в асфальт и удерживая равновесие. – Запрыгивай.

Я медлю. Ехать в коротком платье со скоростью больше сорока миль в час мне совсем не хочется, особенно учитывая то, что придётся прижиматься к брату-парню. И вообще мне начинает казаться с каждой минутой всё больше и больше, что ничего хорошего из этой затеи не получится. Если кто-нибудь узнает, что я его сестра, а вовсе никакая и не девушка, то это будет позор из всех позоров на свете. А если об этом узнают мои одноклассники или отец. Или Алексис, что ещё хуже, то...

– Лина, – Макс внимательно смотрит на меня.

Я вздыхаю и подхожу ближе, забираюсь на мотоцикл и крепко обхватываю руками его талию. Парень издаёт какой-то собачий смешок и заводит двигатель. Байк трогает-

ся с места, а я сильнее прижимаюсь к спине брата, чтобы не упасть. Мы несёмся по дороге в сторону города, рёв движка с каждой секундой нарастает всё больше и больше, и мне кажется, что мы вот-вот во что-нибудь врежемся и обязательно разобьёмся.

Чувствую, как низ платья начинает соскальзывать с моих ног, поднимаясь выше, но мне уже всё равно. В голове постоянно вертится: «я не доберусь живой до этой вечеринки и не придётся притворяться подружкой собственного брата».

Ветер бьёт в лицо, и я закрываю глаза, которые начинают слезиться. Мы врываемся в город, и мне кажется, что наша скорость увеличивается всё больше и больше. Мотоцикл нагибается в сторону, сворачивая на загородную трассу, я чувствую, как сердце замирает в безмолвном крике паники. Перед глазами появляется вечерний океан, на глади которого играют отблески почти уснувшего солнца, – волны хлещут о скалы, истачивая их и превращая в гладкие, покрытые илом, поверхности. Спустя секунд двадцать всё это исчезает: мы сворачиваем на очередную дорогу и исчезаем в городе.

Через несколько минут я чувствую, как байк замедляется, и мы останавливаемся на другом конце города почти на самой окраине у небольшого домика. Все окна в нём горят, а мне начинает казаться, что все мы мотыльки, наивно летящие в сторону большого яркого фонарика, обманутые таким ярким заманчивым светом.

Я спускаюсь на землю – Максимус следует моему примеру

и катил мотоцикл в сторону двери, там он ставит его на подножку и вздыхает, нервно смотря на двери дома. Несколько парней стоят на улице и курят, о чём-то оживлённо болтая, приглушённая музыка еле слышно вырывается из открытого окна и постепенно начинает заражать мой мозг какими-то своими особыми вирусами. Я пытаюсь сопротивляться, и поворачиваюсь к брату.

– Нервничаешь? – я замечаю его задумчивые глаза и пару морщинок между бровями.

– Нет, – врёт он, качая головой. – Идём? Главное, vedi себя естественно, а я остальное попытаюсь сделать... И еще. Если будут спрашивать, мы познакомились в школе, ты учишься в параллельном классе и мы встречаемся почти три недели, – парень неуверенно топчется на месте.

– Ещё можно вернуться домой, если переступим порог, будет уже поздно, – я неожиданно понимаю, что пальцы моих рук жутко замёрзли, – я подношу их к губам и дую, немного растирая. Остальному моему телу почему-то невыносимо жарко.

– Нет, приехали уже, – Максимум берёт меня под руку и уверенно ведёт к дверям.

Мы поднимаемся по ступеням на крыльцо и входим внутрь: музыка становится громче, она не оглушительная, но настойчивая, я всё равно думаю, что она доносится откуда-то из глубины здания, словно из подвала. Народ разбился на компании и парочки, большинство из них заняты своими

собственными разговорами. Макс был прав: я никого здесь не знаю.

Мы идём вглубь дома. Белая лестница уходит на второй этаж, гостиная и коридор не огорожены стенами, поэтому кажется, что это одна сплошная комната. Трое парней сидят на диване, один из них в кресле, перекинув ногу через подлокотник, повсюду стоят пустые, а где-то даже полные бутылки из-под пива или коньяка, в другом углу болтают девчонки, большинство танцует, а остальные, наверное, разбрелись по всему дому. В руках у всех либо стеклянная бутылка пива, либо пластиковый стаканчик. На какое-то мгновение мне кажется, что я действительно держусь под руку со своим парнем, но этот момент пропадает, когда нас окрикивает блондин с косой чёлкой в голубых джинсах и распахнутой красной рубашке, из-под которой виднеется голый торс.

Парень ловко вскакивает с кресла и подходит к нам. В одной его руке полупустая бутылка с пивом.

– Макс, дружище, – он пожимает брату руку и хлопает по плечу.

– Привет, Адлер, – я чувствую, как Максимус нервничает, но, признаться, он умело это скрывает. Даже я поверила бы в его непринуждённость, если бы ничего не знала. – Это Лина, моя малышка, – брат кивает в мою сторону, а меня почему-то бросает в смех от его слов, но я сдерживаюсь.

– Так вот какая она, твоя шикарная незнакомка, – Адлер поворачивается ко мне, немного пьяно улыбаясь, а я только

сейчас понимаю, что он хозяин этой вечеринки. – Рад знакомству, прекрасное создание, – парень протягивает руку.

Я немного краснею и вкладываю свою ладонь в его, блондин целует мои пальцы и, как мне кажется, задерживается губами на моей коже чуть дольше, чем положено.

– Ладно, хватит, – Макс нервно дёргает плечом и перемещает свою руку с моего локтя на талию, немного притягивая к себе, словно говоря, что я его собственность и трогать меня нельзя.

– Не ревнуй, – Адлер продолжает улыбаться, смотря на меня и изучая каждую черту моего лица. Я смущаюсь и отвожу глаза в сторону, ловлю на нас заинтересованные взгляды других парней и краснею ещё больше. – Я принесу вам выпивку, а вы пока садитесь, – он махает рукой на единственное кресло, в котором сидел пару минут назад, и уходит.

Если честно, то мне как-то неловко в этом месте, я вообще не люблю вечеринки и такие большие шумные компании, особенно те, где я совершенно никого не знаю. Понятия не имею, как себя вести и что говорить, однако надо выручить брата, который почему-то встал в ступор и сознанием уже улетел куда-то далеко за океаны.

– Пошли, милый, – я притворно улыбаюсь и поворачиваюсь к нему лицом. – Сядем, – с придыханием выдыхаю я ему прямо в губы, еле сдерживая смех. Между нами всего пара футов. – Стой-ка. Это что гель? – я трогаю его «мокрые» растрёпанные волосы.

– Да, – уклончиво тянет он.

– У кого спёр? – улыбаюсь я.

Макс фыркает и возвращается в реальность, немного отстраняясь от моего лица. На заднем плане пролетает чей-то смех и какие-то весёлые крики, явно не адресованные нам. Парень продолжает обнимать меня за талию и ведёт в сторону компании, что, кажется, всё это время за нами наблюдала. Непривычно вот так вот обниматься с собственным братом, мы ведь раньше даже по-дружески не тискались. Если не считать того случая, когда мы впервые отвоевали ванную у Алексис, запугав её громадным пауком.

– Привет, парни, – Макс уверенно садится в кресло и тётнет меня за собой – я осторожно приземляюсь на его колени, чувствуя, как его рука опустилась мне на талию. – Это Лина.

Я улыбаюсь и как-то рассеянно махаю рукой: мол, рада знакомству.

– Дрю, – чернокожий парень показывает два пальца, мне кажется, что ему уже хватит пить: он пытается смотреть на меня, но его глаза косят куда-то в сторону.

– Даниэль, – он сидит дальше всех, поэтому ему придется немного перекинутся через друзей, чтобы меня увидеть.

– Питер, – милый парень с забавным шрамом на щеке смотрит прямо мне в глаза. Он сидит ближе к нашему креслу, облокотившись локтём о перила. – Никто не хочет покурить? – мальчик осматривает всех и, так и не дождавсь

ответа, уходит.

Адлер возвращается только через пару минут, он плюхается на место Питера и насмешливо оглядывает нас с братом.

– Вот, держите.

Парень протягивает полулитровый стаканчик мне – я неуверенно беру алкоголь и делаю глоток – а Максу одну из бутылок с пивом, которые он держал за горлышки в одной руке.

Я продолжаю упорно молчать.

– Помните, я рассказывал, про ночные гонки через город? – Максимус откидывается на спинку кресла – я слышу, как он делает глоток и немного медлит.

– Да, и что, наши мышки решили поиграть? – Адлер смотрит на брата, вертя в руке банку.

– Дата ещё не назначена, но я думаю, что уже скоро...

Я их не слушаю. Моё внимание привлекает забавная картина: в противоположном углу комнаты в кресле уже совсем пьяный в отключке валяется какой-то парнишка. Рядом с ним стоит блондинка и два парня. Они что-то делают, но что именно я не могу разглядеть из-за их спин. Вскоре девушка и один из парней уходят, но последний продолжает нависать над беднягой и, наверное, доделывать какие-то детали, что не захотели сделать остальные. Я слышу смех, некоторые ребята останавливаются и разглядывают шедевр, которым сейчас занимается незнакомец. Минуту он возится, а затем выпрямляется и отряхивает руки, словно после какой-то тяжё-

лой работы. Он уходит боком, а из-за танцующих ребят я не успеваю разглядеть этого хулигана. Зато я отчётливо вижу то, чем он был занят всё это время.

Пьяный тусовщик полулежит в небольшом кресле. На голове его женская бардовая шляпа, которую обычно носят пожилые женщины, вокруг его шеи намотан неизвестно откуда взявшийся песок, а его губы покрашены ярко-красной помадой. И глаза! Они густо подведены синими тенями, отчего мне отсюда кажется, что у него два огромных фингала вместо век.

Невероятно! Я улыбаюсь, сдерживая приступ хохота, и делаю ещё один глоток.

СЛОТ – Сумерки

Прошло уже два часа, а мне кажется, что мы сидим тут целые сутки. Я до сих пор на коленях у брата, мы так и не поднимались на ноги за всё это время. От музыки начинает болеть голова, а я даже не обращаю внимания на то, как Макс, для показухи, прижимает меня к себе и дышит в шею – я лежу на его груди и задумчиво скольжу глазами по комнате. Хочется спать и поскорее отсюда уйти.

Почти вся гостиная опустела: народ перебрался на задний дворик дома и там под открытым воздухом устроил продолжение вечеринки. Какая-то парочка открыто целуется у сте-

ны, ни на кого не обращая внимания, – парень прижимает девушку к твёрдой поверхности и настолько сильно задирает её юбку, что я даже отсюда вижу её бельё. Мне кажется, ещё немного, и он возьмёт её прямо здесь.

Какая-то девчонка с бутылкой пива спускается по лестнице со второго этажа: её волосы растрёпаны, а сама она какая-то немного скомканная. Блондинка садится на последние ступеньки и делает пару глотков.

Парень с девушкой танцуют медленный танец, тесно прижимаясь друг к другу и совсем не попадая под ритм, потому что прямо сейчас играет какой-то быстрый клубняк. Такое ощущение, что они находятся в каком-то своём выдуманном мире и совершенно не хотят оттуда возвращаться. Я даже им в какой-то степени завидую.

Мы все молчим уже минут пять.

Перевожу глаза на парней и случайно замечаю на себе взгляд Адлера. Он смотрит, не моргая, вообще не двигаясь, лишь теребя почти пустую бутылку своими пальцами. Его зелёные глаза задумчиво прожигают во мне дырку, хотя они какие-то туманные и отстранённые, и кажется, что он вовсе меня не видит. Однако когда он, наконец, понимает, что я смотрю на него уже почти минуту, то легко приподнимает уголок рта и делает глоток. Я повторяю его действие и подношу к губам стаканчик, мы смотрим в упор, а его взгляд так и кричит: «я подмешал в твой алкоголь лёгкое снотворное! Сегодня развлечёмся».

Меня накрывает какая-то липкая волна паники от собственных глупых мыслей, я инстинктивно прижимаюсь к Максусу ещё больше, а ему хоть бы что. Адлер опускает бутылку на пол и скользит глазами по моим ногам, задерживаясь взглядом на них немного дольше, чем я бы хотела. Брат этого не замечает.

Я смотрю на голую грудь Адлера, которая видна из-под рубашки, и слышу, как он усмехается. Отвожу взгляд в сторону и колеблюсь ещё несколько секунд, а потом немного разворачиваюсь и шепчу на ухо Максимуму, едва ли касаясь губами его мочки.

– Я хочу домой.

Он поворачивает ко мне голову и внимательно смотрит в глаза, словно впервые видит или же совсем не видит и думает о чём-то своём. Медлит: я чувствую, как его пальцы рук немного подрагивают. Мне уже начинает казаться, что ещё мгновение, и он согласится покинуть эту скучную, для меня по крайней мере, вечеринку, но наше молчание нарушают.

– Вы чего скучаете? – к нам подходит Питер, парень с забавным шрамом. – Все уже на улице развлекаются, а вы как старые девы тут торчите!

– Наша влюблённая парочка никак не может отцепиться друг от друга, – Адлер немного расслабляется и откидывается на спинку дивана, словно благодарит парня за то, что он разрядил обстановку.

Питер склоняет голову к плечу, мне кажется, он немного

качается из-за алкоголя.

– Вы тут третий час сидите, тискаетесь, а даже ни разу не поцеловались, – выдаёт он.

– Кстати, да, – хозяин дома смотрит на нас с ухмылкой.

– И что? – Макс напрягается, я чувствую это всем телом, а во мне накапливается липкие капли страха, словно мёд, только что вынутый из улья.

Они молчат, лишь насмешливо смотрят то на меня, то на брата. Я теряюсь.

– Давайте, ребята! – Питер весело смеётся. – А то я не верю, что вы пара. За всю вечеринку ни одного поцелуя, совсем нереально.

Я начинаю нервничать.

– Мы не целуемся для показухи, – пытаюсь отшутиться я, но Адлер перебивает.

– Да посмотри туда. Они даже не стесняются никого, можно скоро уже бесплатное порно смотреть, – блондин кивает в сторону парочки, которая всё так же целуется у стены, и отрывисто смеётся.

Макс хихикает у меня над ухом, похоже, он уже пьян.

– Мы же не отстанем! – Питер упирается руками о колени, немного согнувшись, и смотрит прямо на меня. Мне кажется, что он видит в моих глазах эту бешеную нарастающую панику. Моя душа барабанит кулаками по обратной стороне моих глаз и умоляет, чтобы её выпустили.

– Может, ещё «горько» крикните? – брат смеётся, а я уже

бьюсь об стену головой. Ну, вот зачем он это сказал?

– А что? – Адлер смотрит на парня со шрамом. Они улыбаются друг другу и начинают в унисон повторять: «горько», хлопая в ладоши.

Я кривлюсь и смотрю на Макса, всем своим видом говоря, что ни за что на свете он не заставит меня с ним целоваться для этих кретинов. Его взгляд туманный и неясный, мне кажется, что он вовсе забыл от алкоголя, что я его сестра. Это пугает ещё больше.

Парень немного приближается ко мне, а я уже готовлюсь вскочить с места и признаться во всех своих грехах, но его губы скользят чуть правее, задевая мою щёку.

– Один раз, прошу, – пьяно шепчет он, обжигая меня губами, а я от лёгкого ужаса расширяю глаза и понимаю: Максиму уже плевать, с кем целоваться. Он и парню не откажет.

Брат отстраняется от моего уха и решительно целует в губы. Я плотно их сжимаю и упорно не хочу отвечать на этот лёгкий поцелуй. Крики Питера и Адлера уходят на задний план, затем они весело смеются, а я ощущаю на себе их пристальные взгляды. Макс щиплет меня за талию и добивается того, что я немного приоткрываю рот.

Боже, меня сейчас стошнит. Меня точно сейчас стошнит прямо на брата при его друзьях! Я плотно зажмуриваю глаза и нелепо отвечаю. Так, Лина, представь, что это Джулиан. Вспомни его, он рядом, это он целует тебя и обнимает сво-

ими тонкими пальцами. Это у него на коленях ты сидишь. Поверь в это!

Или думай, что ты попала в свою фантазию, где рядом с тобой тот незнакомец, что заплатил за книгу. Только не вспоминай, что ты целуешься со своим пьяным братом, иначе тебя точно вывернет наизнанку.

– С языком! – кричит Адлер. – Чего вы как дети!

Я чувствую, как Максимус приоткрывает рот – наши языки встречаются, а я ощущаю, как к горлу подступает весь алкоголь, который я сегодня выпила. Меня сейчас вырвет прямо ему в рот. Я отстраняюсь и изображаю непринуждённость.

– Ну, всё, хватит с вас! – весело смеюсь я, а сама готова грохнуться в обморок.

– Так не интересно! – Питер бросает своё тело на диван.

– Честно-честно, – тяну я. – Где у вас тут туалет?

Я спокойно поднимаюсь на ноги, изящно отцепляясь от своего «парня», и поправляю задравшееся платье.

– Наверх вторая дверь направо, – блондин кивает в сторону лестницы.

– Не скучайте, – я улыбаюсь и пересекаю гостиную, начиная медленно поднимать по ступеням – я до сих пор чувствую на себе их взгляды.

Когда парни пропадают из виду, я зажимаю рот рукой и со всех ног бросаюсь к распахнутой двери ванной – чувствую, как меня начинает выворачивать ещё сильнее. Внутри пусто.

Я кидаюсь к унитазу и падаю перед ним на колени, хватаясь за края. Всё начинает кружиться и завлекать меня в свой жуткий водоворот красок, я пугаюсь ещё больше и, наконец, с противным звуком лишаюсь содержимого моего желудка.

Полегчало.

Ноги несут меня к раковине, я хватаюсь за её края руками и стою с закрытыми веками. Хочется выбросить этот ужасный поцелуй из своей памяти, но ничего не получается – от мысли, что я целовалась с собственным братом, меня снова начинает выворачивать. Сплёвываю желчь в раковину, и тошнота отступает. Включаю воду и умываюсь, затем поднимаю глаза и смотрю на своё бледное отражение. Настоящий покойник!

– Ты в порядке? – я поворачиваюсь на голос.

К косяку прижимается Максимус и смотрит на меня с таким лицом, словно только что проглотил целый лимон и даже не послал его. Его лицо какое-то бледно-зелёное. Руку прижимает к животу, наверное, боясь лишиться своей еды. Мне кажется, что он за пару минут моего отсутствия полностью протрезвел.

– Да, – выдавливаю я и снова смотрю на своё отражение. Я похожа на зомби из одной из серии сериала «Сверхъестественное», когда какой-то придурок решил оживить свою умершую подружку.

– Поехали домой, – наконец, устало говорит брат.

Я киваю и выключаю всё ещё льющуюся воду. Мы выхо-

дим в коридор и спускаемся на первый этаж.

– Я предупрежу парней, – Макс без эмоций сворачивает в сторону гостиной, а я иду к выходу.

На улице немного прохладно, но я с удовольствием вдыхаю в себя свежий воздух – после душного помещения кажется, что здесь рай. Поблизости никого. Лишь какой-то парень стоит ко мне спиной на краю крыльца и курит. На нём джинсы, кроссовки и футболка. Я узнаю спину одного из ребят, которые нарядили пьяного парнишку в шляпу и мех в начале вечеринки. Это был тот, кто ушёл с места преступления самым последним. Незнакомец спокойно потягивает сигарету и не обращает на меня никакого внимания – я спускаюсь с крыльца и встаю рядом с мотоциклом.

Во рту привкус рвоты, руки немного дрожат, а ноги больше не хотят держать меня на этих каблуках. Я смотрю в сторону двери. Макса нет. Взгляд невольно падает на спину парня, и у меня возникает жуткое желание подойти и попросить у него сигарету. Я не курю. Вообще. Даже никогда не пробовала, но в этот момент после всех этих навалившихся событий у меня возникает жуткое желание начать травить себя этим едким дымом, который бы поглощал каждую клетку моего организма, приближая мою смерть. Свидание со смертью, наверное, это страшно и интересно.

В тот момент, когда я набираюсь смелости подойти к незнакомцу и попросить одну сигаретку, дверь открывается, и выходит мой брат. Максимум не смотрит на меня, спокой-

но спускается со ступеней крыльца и проходит мимо меня к байку, запрыгивая на него. Я медлю. Ехать с ним обратно мне не хочется, потому что в голове возникает мысль, что если я ещё хоть раз к нему прикоснусь, меня вырвет.

– Я лучше пешком, – тяну я.

Макс, наконец, поворачивает ко мне голову и спокойно говорит приказным тоном.

– Не дури. Мы на другом конце города. Я не отпущу тебя на ночь глядя одну, – его лицо не выражает никаких эмоций.

Я вздыхаю и, пересиливая себя, забираюсь на байк, неловко обхватывая талию брата. Мы трогаемся с места, а я закрываю глаза и представляю, что мотоциклом управляет невысокий худой парень с бледной почти белой кожей, словно он всю жизнь провёл под землёй и никогда не был на солнце. У него чёрные как смоль волосы, зализанные назад с помощью геля. А глаза голубые-голубые. И шрам во всё лицо, чтобы он наверняка не был похож на Максимуса.

Мы быстро доезжаем до дома – я мгновенно оказываюсь на земле и иду к двери. Брат заглушает мотор.

– Лина, подожди! – он догоняет меня на второй ступени крыльца и хватает за локоть. У меня возникает жгучее желание оттолкнуть его и брезгливо передёрнуться, но я этого не делаю.

– Что? – спокойно спрашиваю я, немного повернувшись.

– Давай забудем? Вычеркнем этот день из нашей жизни. Я, правда, сожалею, что всё это затеял, – он выглядит уставшим

и жалким.

Я сдаюсь.

– Хорошо, – я высвобождаю руку. – Об этом никто не должен знать. Никто, слышишь?

– Конечно, – Макс улыбается. – Мы были пьяные, и не обязательно, чтобы это знали.

– Сделаем вид, что ничего не было, – я тоже улыбаюсь.

Становится как-то легко и свободно, словно камень с души упал и разбился на кучу песчинок.

– Отлично, – он довольно хмыкает. – А теперь я спать, если никто не против!

Парень проходит мимо. Я стою ещё несколько секунд на крыльце, а потом следую его примеру. Завтра будет такой же обычный ничем не примечательный день, а эту ночь можно смело вычеркнуть из жизни.

LAFEE – Leben Wir Jetzt

Книги сближают

Школьный автобус останавливается у ворот школы ровно в семь тридцать две каждый день. Сегодня он задерживается на девять минут из-за какой-то старухи, которая полчаса переходила улицу, поэтому выбраться из душного транспорта у меня получается только ровно в семь сорок одну, точнее нет, вру. Я вываливаюсь в распахнутые двери самой последней,

когда все остальные ребята соизволили с бешеным воплем покинуть салон и разбежаться в разные стороны. Так всегда бывает: мне приходится ждать, пока автобус опустеет, чтобы меня ненароком не толкнули локтём под рёбра или в суматохе не придавили к полу.

Помню, когда я появилась здесь впервые, меня вынесла на улицу толпа бешеных школьников за считанные секунды – я потом долго не могла прийти в себя. Конечно, кому захочется сидеть в провонявшем потом и неимоверно душном «гробу» и ждать, когда от жары он грохнется в обморок?

Никому.

А вот я привыкла. И мне всё равно. Да-да. Хотя, признаться, сегодня не так жарко, как было вчера, иначе бы я точно не пережила бы эту ночь без моего, простите, нашего «Вини», который вибрирующим звуком работал за стенкой в комнате моего братца.

Итак, сегодня понедельник, солнце палит не так ужасно, как обычно, и пушистые облака изредка закрывают яркий диск и позволяют нам ненадолго вздохнуть с облегчением, так что начало этого дня не такое уж и плохое, как я этого ожидала.

Я спрыгиваю на землю и отхожу в сторону, слыша, как за моей спиной, шурша гравием, отъезжает школьный автобус. На моём плече сумка, а в руке мой «Пандемониум», который я попыталась почитать во время дороги до школы, но из-за тряски у меня мало что получилось: буквы дрожали, а

книга так и норовила выскользнуть на грязный пол. И я не считаю шум и громкую музыку других ребят. Опускаю глаза на свои ноги и немного хмурюсь. На мне чёрные босоножки на невысоком каблуке, светло-голубые бриджи с множеством змеек, надписей и карманов, блузка из лёгкой ткани цвета ванили и большой чёрный ремень на талии: я стащила его из коллекции Алексис сегодня утром, её всё равно нет дома уже несколько дней.

Макс сегодня приехал на мотоцикле. Он предлагал подбросить и меня, но я отказалась. С утра мне было немного неловко, когда мы завтракали, потому что воспоминания о вчерашней вечеринке наглухо заперлись у меня в голове и ни под каким предлогом не хотели оттуда убираться, однако брат так легко замял это дело своим непринуждённым поведением, что мне стало гораздо проще. Отецпил свой кофе и ни о чём не подозревал.

Я медленно направляюсь в сторону входа, лениво думая о том, как сегодня приду домой и отправлюсь на пляж почитать. Жизнь школы пронесётся мимо меня как обычно: я плетусь в сторону класса и никого не замечаю, а все остальные громят коридоры и не замечают меня. Наверное, у нас с этой школой свой особый договор, который мы заключили в первый день моего появления в этом месте. Я веду себя тихо и спокойно переношу все насмешки и это нарастающее одиночество, а она в ответ даёт спокойно мне доучиться и выпуститься в свободную жизнь.

Здесь у меня нет друзей, я загубила свою репутацию, когда дала понять, что по уши увязла в депрессии и никак не хотела оттуда выбираться. Меня сразу невзлюбили. Я показала им всем чокнутым книжным гоблином.

Мимо проносится какой-то парень и слегка задевает меня плечом, я же чуть-чуть торможу и немного оборачиваюсь, смотря ему вслед. Кажется, будто у него из-под ног поднимается облако пыли и скрывает его от моих глаз. Задумчиво вздыхаю и уже собираюсь идти дальше, но тут же замираю снова, потому что прямо передо мной оказывается парень: он стоит неподвижно и смотрит на меня с некой удивлённой улыбкой. На нём джинсы, кроссовки и сливовая рубашка, заправленная за пояс с одной стороны и с закатанными по локоть рукавами. Две верхние пуговицы расстегнуты, из-за ворота виднеется странный шрам поперёк шеи справа, словно ему когда-то давно хотели перерезать горло, но промахнулись. Тёмные волосы слегка растрёпаны, глаза цвета карамели.

Я узнаю его.

«Мой незнакомец».

Я стою в ступоре, пристально рассматривая его прямой нос и насмешливую улыбку. Он выше меня почти на голову, а я думаю, откуда он тут взялся.

– Привет, – парень первый нарушает молчание и немного склоняет голову к плечу, скользя глазами по моему телу и демонстративно останавливая взгляд на губах.

Я на пару секунд теряюсь, словно тону в нотках его тихого голоса.

– Привет, – я отвожу взгляд и прокашливаюсь.

Хочу пройти мимо, но он делает шаг вправо и снова преграждает мне дорогу. Одной рукой держится за свой портфель, что перевешен только через одно его плечо, второй проводит по шее в районе шрама, словно пытаюсь стереть капли пота. В здание довольно прохладно, не смотря на то, что на улице жарища, но я всё равно вспыхиваю и чувствую, как меня бросает в жар. Что ему от меня нужно? Он что, хочет, чтобы я вернула ему тот четвертак?

– М... – я пытаюсь попросить, чтобы он отошёл, но, вероятно, парень понял меня не правильно:

– Меня зовут Алекс, – он продолжает улыбаться и не улыбаться одновременно.

– Лина, – я облизываю слегка засохшие губы.

– Забавно, – «мой незнакомец» удивленно вскидывает бровь и издаёт тихий смешок.

– Что? – я немного отступаю назад, слыша, как о кафель стучит мой каблук.

– Нас зовут так же, как главных героев в этой книге, – Алекс кивает на «Пандемониум», который я держу в правой руке переплётом вниз, поэтому обложки и названия он никак не мог бы различить. Странно...

– Ты читал? – спрашиваю я, не веря в свои собственные слова: чтобы парень и читал любовнее романы! Хотя он же

был в тот день в книжном магазине...

– Да. Первую часть, – он пожимает плечом.

– А вторую?

– Нет, – Алекс усмехается. – Последнюю книгу спёрли в магазине прямо из-под моего носа...

– Оу, – я понимаю, что он имеет в виду меня, и мне становится жутко неловко. – Спасибо, что... заплатил.

Я поспешно лезу в боковой карман бридж и достаю оттуда двадцать пять центов.

– Держи, – протягиваю ему мелочь на ладони, но тот отмахивается.

– Не надо.

– Нет, правда, возьми, – настаиваю я.

– Оставь себе, – Алекс смягчает немного тон и протягивает руки, складывая мои пальцы и пряча монету в кулаке. – Купи себе чего-нибудь.

– Но ты же не смог купить ту книгу, тогда, в магазине... оставил её на прилавке.

– Лина, – я вспыхиваю от его горячих прикосновений и одёргиваю руку. Он неловко отступает и слегка мрачнеет, словно я его оскорбила. – У меня были деньги. Я прост передумал. А ты выглядела такой... такой счастливой, что я не хотел лишать тебя этой возможности почитать роман.

– Хорошо, – соглашаюсь я и прячу четвертак обратно в карман. – Извини, что... купила книгу... ммм...

– Забудь. Потом достану себе ещё один экземпляр. Прав-

да, придётся подождать пару месяцев, потому что привоза пока не будет, – Алекс начинает перекатываться с пятки на носок.

Мне становится его жаль.

– Я могу дать почитать тебе, когда сама дочитаю. Правда, меня в последнее время часто дёргают, даже на пляже нормально не удаётся посидеть наедине с книжкой, – я неловко обнимаю себя руками, умоляя всех на свете, чтобы этот разговор поскорее закончился. Я, наверно, разучилась общаться с парнями и особенно отвыкла от такого пристального изучающего взгляда.

– Ты часто бываешь на том месте? – меняет тему он. – Ну, там, на пляже...

– А ты часто дерёшься или это просто была показуха? – спрашиваю в ответ я, иронично улыбаясь.

Алекс вскидывает бровь, потом возвращает её обратно.

– Я тебя заметил только в конце. Шпионка, – хмыкает он. – Ты не ответила.

– Ты тоже.

Мы замолкаем.

– Нет, просто не люблю, когда лезут всякие, – наконец говорит парень, а я отвечаю на его вопрос:

– Да. Это моё любимое место.

Парень смотрит куда-то за моё плечо. Я уже хочу обернуться и посмотреть на предмет его заинтересованности, но опаздываю.

– Лина!

Меня хватают за плечо и разворачивают. Передо мной стоит Максимус.

– Что? – дёргаю плечом, чтобы он убрал руку.

– Отец звонил. После школы ждёт нас дома, у него какой-то важный разговор есть, – брат бросает взгляд на моего собеседника, но тут же возвращает обратно на меня.

– Он же работает, – я хмурюсь и вспоминаю, когда в последний раз папа бывал дома посреди дня.

– Он взял выходной.

– Да? – я удивлённо приподнимаю брови домиком.

– Ага, так что не планируй ничего, по крайней мере, на пару часов после этого ада!

Макс уходит и присоединяется к своим приятелям, которые плотной кучкой столпились в нескольких метрах от нас. Я какое-то время задумчиво молчу, думая, что же такое серьёзное случилось, что отец хочет с нами так упорно поговорить, что даже взял выходной? «Мой незнакомец» вылетает из моей жизни на несколько секунд.

– Твой парень? – Алекс засовывает одну руку в карман и как-то фальшиво улыбается.

– Кто? Макс? – я склоняюсь в сторону и противно смотрю на брата, который оживлённо что-то рассказывает своим друзьям. – Нет, сплюнь сто раз! Это мой младший братец.

Брюнет вскидывает бровь, затем немного склоняется ко мне и говорит почти что в самое лицо своим тихим, насмеш-

ливным и каким-то издевательским голосом:

– Ты целовалась со своим собственным братом?

Я падаю.

Что он сказал? Откуда? Как?

– Что? – выдыхаю я, немного приходя в себя. – Откуда ты...

– Я был вчера на вечеринке, – парень снова выпрямляется и возвращает себе свой обычной немного равнодушный тон.

– Правда? – я краснею и отвожу глаза в сторону. – Я не видела.

– Видела, – уверенно выдаёт он. – Я курил на крыльце, когда ты уезжала.

Я вспоминаю вчерашний вечер. Вспоминаю мальчика, который стоял спиной ко мне и курил – я ещё хотела стрельнуть у него одну никотиновую палочку, вспоминаю трёх ребят, что издевались над пьяным парнишкой.

– Так это ты нарядил того парня в женские вещи? – я решаю быстро пометь тему, но у меня не получается.

– Да. Просто скучно было, так ты, значит, и правда лизалась со своим...

– Заткнись! – зашипела я. – Если кому расскажешь.

– Я и не собирался, – Алекс отмахивается и весело улыбается. Над нами проносится звонок на урок. – Ещё увидимся. Лина...

Он с придыханием говорит моё имя и уходит.

Я остаюсь одна посреди быстро пустеющего школьного

коридора.

СЕРГЕЙ ЛАЗАРЕВ – Electric Touch

Алекс входит в класс после директора прямо посреди урока истории, который был у нас, кстати, самым последним, прикрывает за собой дверь и безразлично пересекает помещение, останавливаясь рядом с мужчиной, который его сюда привёл. Все замолкают, даже учительница, которая до этого без перерыва трещала о каких-то войнах, наконец, отрывает взгляд от книги и смотрит на гостей. Тишина накрывает это помещение, а я отрываюсь от раскрытого «Пандемониума», что лежит передо мной на столе поверх открытого учебника, и поднимаю глаза на парня. Алекс находит меня взглядом и улыбается уголком губ. Все смотрят на него, он безразлично осматривает класс, наверное, ища глазами свободное место, а директор молчит, странно щурясь, словно подозревает всех нас в каком-то грязном деле. Он делает так всегда, когда приходит в классы с какой-нибудь новостью. Ему это нравится, а школьники вечно потешаются над ним.

Мне же всё равно – я пристально разглядываю «моего незнакомца», почему-то думая о нашем разговоре в коридоре школы, и жду, когда директор перестанет так пристально нас осматривать и, наконец, соизволит уйти, а то мне начинает казаться, что если я опущу глаза в книгу и продолжу

тайком читать, то он меня застукает и отберёт моё сокровище.

Окна в классе распахнуты – в них врывается тёплый ветер и изредка колышет волосы моих одноклассников, даже иногда долетая и до меня. Я сижу за третьей партой прямо у стены. Проходит буквально минута, директор расслабляется и говорит своим немного хриплым голосом, его английский с местным акцентом порой убивает.

– Этот молодой человек будет учиться в вашем классе, – директор переводит взгляд на Алекса и недовольно морщится. – Неряха, – бросает он и одним движением вытаскивает заправленную с одной стороны рубашку парня. Новенький поджимает губы, а я слышу смешки слева – там Тони и Майк, те, которых Алекс вчера изрядно потрепал. Директор смотрит в их сторону, и парни прячут свои ухмылки. Что-то мне подсказывает, что теперь, когда они среди своих дружков, Алексу не удастся просто так уйти от разборок. – Продолжайте урок, – директор бросает последний взгляд на нас и уходит, даже не представив нам новенького.

Как только за ним захлопывается дверь, Алекс снова небрежно заправляет левую часть рубашки в джинсы, открывая вид на серый ремень с какими-то надписями, и спокойно склоняет голову к плечу – мне кажется, что его шея хрустит.

– Что ж, – учительница неловко смотрит вслед директору и продолжает теревить в руке учебник по истории. Я перевожу взгляд с неё на парня, которому абсолютно наплевать

на всех, кто здесь находится.

Он смотрит в мою сторону.

– Садись что ли, – женщина обходит стол и присаживается на стул, кладя на столешницу книгу.

Алекс немного медлит, затем медленно начинает пробираться по крайнему ряду в мою сторону – я опускаю глаза в книгу и лишь боковым зрением замечаю, как он бросает на пол портфель и садится за парту слева от меня. Все в этом классе сидят по одному за маленькими неудобными партами. Поднимаю взгляд и замечаю, как все смотрят в нашу сторону, даже учительница на пару мгновений загляделась на передвижения новенького.

Алекс секунду сидит смирно, затем, делая вид, что двигает свой стул правее, чтобы было удобнее сидеть, а сам ногой передвигает свою парту ближе ко мне. Проход между нами сужается до сорока сантиметров. Я слежу за его действиями, и мне кажется, что за ними наблюдает все присутствующие. Парень поднимает на меня взгляд и легко улыбается – я вспыхиваю, словно спичка, и утыкаюсь в книгу.

Урок продолжается – скучный голос учительницы заполняет пространство, а я кошусь на то, как волосы Алекса начинают шевелиться из-за внезапно ворвавшегося в окно ветра, который снёс несколько листков со столов ребят: им пришлось встать на ноги и подобрать их.

Несколько минут я пытаюсь сосредоточиться на чтении, но у меня почти ничего не получается, поэтому мне прихо-

дится перечитываться всё заново. Меня это бесит.

В классе снова поднимается лёгкий шумок из тихих переговоров, которые были в этом месте до того, как пришёл Алекс. Что же касается его самого, то он упирается рукой в подбородок и немного склоняется ко мне.

– Жулик, – отчётливо шепчет он, кивая на мой «Пандемониум».

Я ловлю его взгляд и слегка краснею.

– А сам-то! – в ответ шепчу я, закрывая ладонью левую страницу книги.

– А я-то что? – парень ещё немного подаётся ко мне и устремляет глаза на учительницу, которой давно уже стало плевать на шум в классе.

– Где весь день пробыл? Уроки уже закончились, – я бросаю взгляд на Тони Кондера и понимаю, что он пристально смотрит в нашу сторону. Вот только я так и не разгадала, кто был предметом его заинтересованности. Я или Алекс? Наверное, второе...

– Проблемы с документами были, – парень вдруг разваливается на парте и подпирает голову другой рукой – его глаза устремлены теперь на меня.

– И всё равно ты жулик, – утыкаюсь в книгу лишь бы только не видеть его ухмылки.

Оставшуюся часть урока мы молчим. Я не смотрю на новенького, хотя не могу сказать точно, смотрит он на меня или изучает стенды, висящие на стене прямо за мной. Выяснить

это не хочется, иначе я точно покраснею как варёный краб и не смогу даже собраться с мыслями.

Майк Купер резко вскакивает на ноги – прямо через секунду звенит звонок. Наверное, у него особое чутьё на такие вещи, потому что каждый раз вовремя угадывать время звонка даже с помощью часов – это просто нереально. Все начинают шевелиться – учительница задаёт на дом читать параграф и уходит. Я закрываю обе книги, но в сумку убираю лишь учебник, потому что мне кажется, будто стоит выпустить из рук «Пандемониум», его сопут. Поднимаюсь с места и быстро покидаю класс. Так, значит, надо встретиться с Максимусом, чтобы отправиться к отцу на его «важный» разговор. Хотя можно с братом и не встречаться, один доберётся...

Я прижимаю к груди роман и плетусь по коридору, затем выхожу на улицу, ощущая невероятную жару, которая обрушивается на меня всей своей плотной массой, но всё равно всеми своими мыслями погружаясь во всевозможные темы разговора с папой. На ум приходит либо деньги, либо...

– Лина, подожди! – я отхожу почти к дороге, но меня догоняет Алекс и хватает за локоть точно так же, как это сделал вчера Макс на крыльце после вечеринки, только в этот раз у меня не возникает желание брезгливо одёрнуть руку.

– Что? – я спокойно разворачиваюсь и не обращаю внимания на то, как ученики начинают выходить из дверей школы и расползаться в разные стороны.

«Мой незнакомец» продолжает держать меня за локоть – я опускаю взгляд на его руку, и парень поспешно её убирает.

– Я хотел сказать, что ты забыла ручку в классе, – Алекс протягивает мне мою же ручку, которую я, своре всего, выронила по дороге к дверям класса, и одним движением поправляет свой воротник рубашки.

– Оу, – я медлю. – Спасибо, – наконец тяну я и забираю из его рук ручку, пряча её в сумку. Лёгким движением поправляю ляжку, которая проворно начинает сползать с моего плеча, и нерешительно топчусь на месте. – Ммм...

Мне хочется развернуться и уйти, чтобы не встречаться с этими манящими глазами, но тело не желает слушаться свою хозяйку. Мозг плавится от жары, и я перестаю нормально соображать. Сейчас Максимус меня бы здорово выручил своим присутствием, но его как назло нигде не видно. Мы молчим. Я собираюсь уже сказать, что мне пора, но опаздываю:

– Эй, новенький, – кучка моих одноклассников под предводительством Майка Купера направляются к нам. Ну, вот, а я так надеялась, что не застану этот момент, когда они будут наезжать на «моего незнакомца». Теперь не отвертеться: если я просто уйду, Алекс подумает, что я такая же как они. А я не такая.

Алекс легко поджимает губы и медленно разворачивается в сторону парней.

– Дружков привели? – наповал сражает их он своим насмешливым голосом, отчего никто не может выговорить ни

слова секунд пять.

Майк Купер стоит прямо перед нами, рядом Тони Кондер со своим скейтбордом, чуть дальше Дон Стигмер, капитан местной футбольной команды, Роберт Харисон с сигаретой в зубах, близнецы Трей и Перси Халкинсы – у обоих тату на шее с именем своего брата, чтобы, наверное, никто их не путал, и самый главный из заводил школы: Джаред Мак-Нил. Он мне нравился в начале этого месяца, когда я только пришла к ним в класс. Потом я узнала, что он трахнул почти всех девчонок из класса (и не только их), и отшила его, когда он пытался меня клеить. Жалко, красивый мальчик, но такой бабник!

Итог: семеро на одного.

Подло и мерзко, что и стоило ожидать от моих одноклассников.

Я стою рядом с Алексом, и никто не обращает на меня внимания.

– Я в прошлый раз говорил тебе, ничтожество, чтобы ты лез на нашу территорию, – Майк, да и все остальные парни, были куда выше меня – очередной комплекс и разочарования в своей внешности.

– А я в прошлый раз тебе ответил, что это всё государственная собственность, и уж точно не твоя, – «мой незнакомец» держался достойно, что нельзя сказать обо мне: мне было страшно, и я не знала, что делать.

– Умник нашёлся, – Тони ставит скейт на землю, но в то-

же время продолжал держать его за край пальцами. У этого парня белоснежная кожа и чёрные волосы, хотя на солнце он проводит большую часть своего времени. Как ему удаётся даже не краснеть от противных солнечных лучей, я понятия не имею. – Не строй из себя крутого. Мы долго не разговариваем с... – парень делает шаг вперёд, но Майк его останавливает, вскинув в его сторону руку и задержав его.

– Алекс, – я не знаю, откуда они знают его имя, но это меня немного настораживает. Купер говорит тихо и вкрадчиво, чтобы смысл его слов наверняка дошёл до мозга новенького. – За то, что ты клеил мою подружку, я тебе ещё врежу, а вот за «китайскую солому» я точно оторву твой член и заставлю тебя его сожрать, чтобы не трепался, – я морщусь и думаю, что это за «китайская солома» такая, затем вспоминаю про «клеил мою подружку», становится как-то неловко, и я кошусь на Алекса.

Тот заливисто хохочет.

– Во-первых, – «мой незнакомец» продолжает улыбаться. – Я не клеил твою, – он делает паузу, словно хочет подобрать какое-нибудь похабное слово, но передумывает, – подружку. Это она меня клеила. Наверное, ты её плохо трахашь, раз она на всех подряд вешается. А, во-вторых, твоя «китайская солома», – Алекс делает двумя пальцами в воздухе кавычки, – просто бурда, даже не втыкает.

Майк начинает закипать сразу после слов о его подружке и, наверное, про солому ничего уже и не слышит.

– Я тебя сейчас сам тут отымею, сука! – Купер сжимает кулаки.

– Не знал, что ты педик, – Алекс определённо стебётся над ним, а я чувствую, что вот-вот кто-то кого-то прибьёт. И преимущество явно не на стороне новенького.

– Ладно, хватит вам, парни, здесь же камеры, – пытаюсь успокоить их я, косясь на две камеры наружного наблюдения, которые висят прямо над дверью школы.

Как же я жалею, что вообще встряла в этот разговор! Я всегда только всё порчу.

Парни, наконец, замечают моё присутствие и смотрят так, словно впервые увидели. Алекс глядит на меня и устало прикрывает веки – я сразу понимаю, что мы влипли, и теперь мне точно не отвертеться.

– Это бутафория, – Роберт Харисон выплёвывает на асфальт окурок и тушит его ногой.

– Ты вообще молчи, кукла, – ненавижу, когда Купер меня так зовёт. Ужасное прозвище для того, кого считают живым молчаливым трупом. – Ты что по вечерам даёшь этому уроду? То-то я смотрю, он тут перед тобой распинается, – Майк скалится, а мне начинает казаться, что у него проблемы с психикой. Затем он смотрит на «моего незнакомца» и спрашивает, словно они старые друзья: – Как она в постели, м? Мы ведь не знаем, она у нас сама невинность. Небось, круто её трахать...

Я краснею и со всей силы прижимаю к груди «Пандемо-

ниум», хочется сбежать, но у меня смутное чувство, что меня теперь уже никто не отпустит.

– Следи за языком, – Алекс хмурится – его голос холоден и решителен.

– Зацепил, – Майк весело оборачивается к своим приятелям, переглядываясь с ними, и кивает кому-то одному: кому именно я так и не понимаю. – Она громко визжит под тобой? – снова издевается он.

– Заткнись, придурок! – не выдерживаю я, продолжая прятаться за книгой. Я пытаюсь придать голосу уверенности, однако он всё равно слегка дрожит от обиды и страха.

Я пацифистка. Я не люблю насилие и драки. Я не умею защищать саму себя, потому что слишком слаба морально.

Они смеются. Тони бросает скейтборд на землю и ставит на него ногу, словно собираясь уехать отсюда, близнецы переговариваются, Роберт прикуривает другую сигарету, Майк продолжает смотреть на Алекса, футболист где-то в стороне говорит по телефону, Джаред смотрит на меня и пошло улыбается.

– Уберите её, – вдруг командует Купер, и никто не успевает ничего даже понять.

Мак-Нил хватается за локоть и быстро уводит на несколько метров, я пытаюсь вырваться, но Джаред прижимает меня к себе со спины, обнимает за талию рукой, а второй легко хватается за горло.

– Отпусти! – почти кричу я, чувствуя, что ещё немного,

и я точно разревусь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.